
Дария Барш
ТИХАЯ ВОДА

Дария Барш
Тихая вода

https://litres.ru/74760187
SelfPub; 2026

Аннотация

В Крутом Яру не любят вспоминать утопленников. Здесь вообще не любят вспоминать. Особенно август 1973 года, когда в реке погибла молодая учительница.

Спустя пятьдесят три года вода забирает ещё одного человека.

Мария Тихова приезжает в родную деревню похоронить брата Павла. Полиция считает его смерть несчастным случаем. Но Мария, много лет проработавшая следователем, слишком хорошо знает, как выглядит ложь, за которой прячется чужой страх.

По мере расследования Мария узнаёт, что за смертью учительницы стояли люди, которых она знала с детства. Одни давно умерли. Другие состарились, обзавелись семьями, научились говорить о совести и почти убедили себя, что ничего не произошло.

Но у реки своя память.

Вода ведёт себя странно. В окнах отражается то, чего нет. А по ночам возле старой фермы появляется женщина, которой уже больше полувека нет среди живых.

Мрачный мистический роман о вине, памяти и людях, которые способны прожить целую жизнь рядом со своим преступлением.

Содержание

Часть первая. Мёртвая вода 5
Глава 1. После звонка 5
Глава 2. Крутой Яр 19
Глава 3. Дом, в котором ждут 32
Глава 4. Сколько стоит проводить человека 47
Глава 5. Письма, которые не сожгли 66
Глава 6. За старой фермой 106
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Дария Барш
Тихая вода

Моему мужу. Спасибо тебе за любовь, за терпение к моим сомнениям и за то, что даже в трудные дни ты остаёшься рядом. Я знаю, сколько в этой книге твоей поддержки.

Моей дочери. Спасибо за твой смех, за доверчивую ладонь в моей руке, за вопросы, на которые не всегда легко ответить. С тобой обычный день становится тем, что хочется беречь.

Спасибо вам обоим. Без вас я вряд ли решилась бы рассказать такую тёмную историю.

«Говорили, река забирает людей. Никто не спрашивал, зачем она их возвращает».

Часть первая. Мёртвая вода

Глава 1. После звонка

К половине восьмого школа остывала.

Последними уходили женщины из столовой. За ними тянулся запах подгоревшего масла и варёной капусты; по лестнице ещё постучали каблуки, хлопнула тяжёлая дверь. Потом в здании остались Мария и дежурный охранник.

Длинные коридоры до половины были выкрашены грязновато-зелёной масляной краской. На линолеуме серели следы подошв. Под потолком тянулись прямоугольные светильники: один отдавал синевой, соседний желтел, третий моргал, не решаясь погаснуть.

Мария Тихова мыла пол на втором этаже.

На ней был тёмно-синий рабочий халат, застёгнутый не на все пуговицы, чёрные брюки и мягкие резиновые туфли. Русые волосы, уже заметно тронутые сединой у висков, она собрала на затылке в тугой узел. Несколько коротких прядей выбились возле ушей и липли к влажной коже.

Ей было сорок четыре.

Высокая, сухощавая, с широкими плечами и прямой спиной, она не производила впечатления усталой женщины, пока не начинала двигаться. Тогда становилось заметно, как

осторожно она поворачивает шею, как иногда замирает на секунду перед тем, как выпрямиться, и как машинально растирает большим пальцем основание ладони.

Узкое лицо, высокий лоб, прямой нос, глаза, которые при вечернем свете казались почти чёрными. В молодости её называли красивой; Мария не знала, что отвечать. Теперь не говорили. Она и сама давно перестала смотреть на себя с этой стороны.

Она опустила швабру в ведро. Вода была мутной, серой, с радужной плёнкой моющего средства. На поверхности плавала размокшая бумажная обёртка. Мария выловила её двумя пальцами, брезгливо поморщилась и бросила в чёрный мусорный пакет.

На стене напротив висел стенд «Наши достижения». Под прозрачным пластиком — фотографии детей с грамотами, дипломами, медалями. Мальчики в белых рубашках, девочки с бантами, учителя, обнимающие победителей олимпиад. На одной фотографии девочка лет восьми держала огромный бумажный цветок. Мария старалась не смотреть на неё.

Возле стендов с детскими фотографиями Мария не задерживалась. Проходила мимо, не всматриваясь в лица: цветные пятна за пластиком переносить было легче.

За окнами косо хлестал дождь. Ветер гнул почти чёрные деревья, а фонари плавали в лужах жёлтыми размытыми пятнами.

В конце коридора мигнула лампа.

Мария подняла голову. Лампа погасла, снова вспыхнула и загудела чуть громче.

— Доживи до понедельника, — сказала Мария.

С медлительным чайником она ругалась, перекошенную дверцу шкафа просила не падать, замку подсобки грозила заменой. С людьми разговаривала меньше.

Возле кабинета начальных классов лежала красная варежка. Маленькая, шерстяная, с белым зайцем, вышитым на тыльной стороне. Одно ухо у зайца было пришито чуть криво, а вместо глаз блестели две чёрные бусины.

Мария заметила варежку ещё час назад. Обошла её шваброй. Теперь пришлось остановиться. Она наклонилась, подняла находку и положила на широкий подоконник, поверх которого когда-то наклеили самоклеящуюся плёнку под светлое дерево. Плёнка по краям отклеилась и вздулась пузырями.

Варежка оказалась влажной. Мария провела пальцем по белому зайцу и тут же отдёрнула руку.

Когда-то Лиза тоже любила зайцев. Впрочем, Лиза любила почти всех зверей. Особенно тех, которых можно было накрыть одеялом, покормить из игрушечной тарелки и уложить спать.

Мария выпрямилась.

Не сейчас.

Восемь лет назад Мария работала следователем. Тогда у неё был другой гардероб, другая походка, другие руки. Она

носила строгие брюки, светлые рубашки, пальто хорошего кроя и удобные туфли на невысоком каблуке. Умела быстро собираться, почти не смотрясь в зеркало. Могла провести сутки на работе, потом вернуться домой, принять душ и снова уехать.

Люди плакали. Кричали. Иной замолкал посреди фразы, а потом вдруг начинал рассказывать о поездке в автобусе, о новой куртке или о том, что утром забыл купить хлеб. Мария не перебивала. Она сама знала, как трудно подступиться к самому страшному.

Она помнила лица и интонации. Слишком уверенный голос, одинаковая пауза перед ответом, чужая фраза, повторённая без единого изменения, говорили ей больше, чем длинное объяснение.

Теперь она замечала разводы на линолеуме.

Работа в школе появилась не сразу. Сначала были месяцы, которые Мария впоследствии почти не могла восстановить. Потом случайные подработки, затем несколько мест, откуда она уходила сама или где её не просили оставаться. Уборщицей она устроилась два года назад. Вечерняя смена подходила ей. Детей к этому времени почти не было. Никто не требовал улыбаться и поддерживать разговор.

В конце смены было видно, что она сделала: грязный пол становился чистым. Никаких скрытых смыслов. Просто чистый пол.

Она дошла до лестницы и остановилась. Снизу доносился

глухой шум вентиляции. В пустом здании этот звук казался почти человеческим дыханием — тяжёлым, неровным, с хрипом где-то за стеной.

На площадке висело старое зеркало, с потемневшими краями и трещиной в правом нижнем углу. Мария взглянула на отражение: женщина в синем халате, бледное лицо, сухие губы, прядь волос возле виска. Отвернулась.

В кармане куртки, оставленной возле подсобки, зазвонил телефон. Мария услышала не сразу. Сначала приняла вибрацию за дребезжание лампы. Потом звонок оборвался. Через минуту начался снова.

Она поставила швабру, вытерла руки о полотенце и подошла к подсобке. На экране высветился незнакомый номер.

— Да.

— Мария Андреевна Тихова?

Мужской голос. Низкий, немного хриплый, с усталой провинциальной неторопливостью.

— Слушаю.

— Вас из Крутого Яра беспокоят.

Мария выпрямилась. Название деревни она слышала главным образом от брата.

— Что случилось?

Мужчина помолчал. На заднем плане скрипнула дверь.

— Вы Павлу Андреевичу Тихонову кем приходитесь?

— Сестрой.

— Ясно.

Пауза.

— Что с Павлом?

— Вы только не волнуйтесь.

Мария закрыла глаза. «Не волнуйтесь», «успокойтесь», «лучше присядьте». Она произносила это сама. До сих пор помнила лица людей, услышавших такие слова.

— Говорите.

— Брата вашего сегодня утром обнаружили.

— Где?

— У реки.

— В каком состоянии?

— Мария Андреевна…

— Он жив?

Тишина. Лампа над лестницей снова мигнула.

— Нет, — произнёс мужчина.

В голове стало пусто. Мария смотрела на красную варежку, оставленную на подоконнике. Белый заяц улыбался.

— Что значит нет?

— Павел Андреевич погиб. Утонул, предварительно.

Мария медленно опустилась на низкий деревянный стул с облупленной синей краской.

— Вы кто?

— Лапшин Михаил Егорович. Участковый уполномоченный полиции.

— Когда обнаружено тело?

— Сегодня утром.

— Где именно?

— У старых мостков.

— Кто обнаружил?

— Рыбаки.

— Фамилии?

Мужчина замолчал, потом спросил:

— Мария Андреевна, вы сейчас где находитесь?

— Это имеет отношение к моему вопросу?

— Я понимаю, что вам тяжело…

— Назовите фамилии людей, обнаруживших тело.

Лапшин выдохнул в трубку.

— Давайте вы приедете, и мы всё обсудим на месте.

На пальцах от моющего средства выступила краснота. Возле ногтя правой руки треснула кожа.

— Тело извлечено из воды?

— Да.

— Осмотр проводился?

— Все необходимые мероприятия проводятся.

— Причина смерти установлена?

— Предварительно утопление. Окончательное заключение будет после исследования.

— Понятно.

— Там, скорее всего, несчастный случай. Ночью, темно, берег скользкий. Тем более, выпивши был, наверное.

Мария подняла голову.

— Что?

— Говорю, мог оступиться.

— Вы сказали, он был пьян.

— Ну, предварительно…

— На основании чего?

— Есть основания так полагать.

— Какие?

— Мария Андреевна, по телефону сейчас…

— Михаил Егорович, мой брат не имел привычки напиваться.

— Я же не утверждаю…

— Тогда не надо.

На другом конце стало тихо. Мария вдруг услышала, как громко гудит школьная вентиляция.

— Вы сможете приехать? — спросил Лапшин.

— Да. Завтра.

— Хорошо. Подходите ко мне. Я всё объясню.

Они обсудили документы. В конце участковый спросил:

— Вы одна сейчас?

Она обвела взглядом пустой коридор: одинаковые двери, ведро с серой водой, красная варежка с зайцем.

— Да.

Она отключила телефон. С минуту сидела неподвижно.

Павел умер. Слова существовали отдельно: «Павел» и «умер». Соединить их не получалось.

Павел был слишком живым для такого представления. Широкоплечий, немного сутулый, с вечной сигаретой в

пальцах. Тёмные волосы уже поредели, на висках появилась седина. Нос когда-то был сломан, ещё в молодости, после драки, о которой он рассказывал всякий раз по-разному. Весёлые серые глаза. Привычка слегка наклонять голову, будто собирался сообщить собеседнику что-то особенно интересное.

Он смеялся громко, иногда до кашля. Но Павел всегда возвращался. Из больницы, поездки, драки, из любой дурацкой истории. Возвращался, улыбался и говорил: «Машк, выхода нет только из гроба, так что не ной».

Палец остановился над именем брата в списке контактов. Ей захотелось услышать привычное: «Ну чего, мелкая?» Она погасила экран.

Она закончила мыть пол. Потом не могла объяснить зачем. Промыла швабру, вылила грязную воду, ополоснула ведро, проверила шкаф с моющим средством. В учительской ещё горел свет.

За столом сидела завуч Елена Викторовна — полная женщина лет пятидесяти с короткими волосами цвета красного дерева и очками с крупной пластиковой оправой.

— Мария Андреевна? Вы ещё не ушли?

— Я завтра не выйду.

— Заболели?

— Брат умер.

Завуч медленно сняла очки.

— Господи… Какое горе. Соболезную вам.

— Спасибо.

— Что случилось?

— Утонул.

— А сколько лет?

— Сорок девять.

— Совсем молодой.

Мария вдруг разозлилась на эти слова. Если бы ему было шестьдесят, семьдесят, восемьдесят — стало бы легче?

— Вам, конечно, надо ехать, — сказала завуч. — Я всё решу. Не переживайте о работе.

Мария поблагодарила и вышла. У двери услышала: «Вы держитесь». Уже в коридоре подумала, что не знает, за что именно ей теперь нужно держаться.

На улице дождь усилился. Ветер гнал мокрые листья по асфальту. Свет фонарей делал лужи похожими на расплавленное олово. Мария застегнула старую тёмно-серую куртку до подбородка. Молния заедала, но Павел недавно её починил.

На остановке пахло мокрой фанерой и сигаретным дымом. Напротив светились окна магазина. Люди покупали хлеб, молоко, разговаривали по телефону. Никто не знал, что у Марии умер брат. И всё же её охватила короткая, почти детская обида: мир не изменился, не остановился.

Автобус подошёл с шипением тормозов. Она села возле окна. Красные огни машин расплывались по стеклу, словно кто-то провёл по мокрой картине ладонью.

Мария закрыла глаза и вспомнила Лизу. Не смерть. Не ванную комнату. Летний вечер. Девочка сидит на полу в одной майке, поджав круглые голые коленки, и размазывает зелёную гуашь по бумаге. Короткие светлые волосы липнут ко лбу, на щеке зелёная полоска.

— Мам, смотри.

— Что это у тебя?

— Колобок.

— А почему зелёный?

Лиза смотрит на рисунок, потом на мать, словно вопрос совершенно глупый.

— Потому что зелёный.

Они обе смеются. Лиза тянется к ней испачканной ладонью.

— Нет, зайка, сейчас всю маму покрасишь!

Воспоминание оборвалось. Мария открыла глаза. За окном стояла аптека с зелёным светящимся крестом. Она не сразу поняла, где находится.

Квартира встретила её запахом холодного воздуха и стирального порошка. Маленькая однокомнатная квартира в старой пятиэтажке: светло-серые обои, узкий диван, книжный шкаф из светлого ДСП, недорогой ковёр. Всё чисто. Почти слишком чисто. На подоконнике — пустой керамический горшок.

Мария открыла холодильник, посмотрела на продукты и закрыла. Выпила воды. Села за кухонный стол. Павел умер

— мысль пришла ясно и окончательно.

Она открыла переписку с братом. Последнее сообщение было коротким: «Машк, ты там живая вообще?» Она ответила: «Да. Работаю». Он прислал смеющуюся рожицу. В воскресенье вечером он звонил, она была в душе и решила перезвонить утром. Утром забыла.

Мария открыла журнал вызовов и нажала на его имя. Один гудок. Второй. Третий. Потом механический женский голос: «Абонент временно недоступен».

Гудки оборвались. Мария положила телефон экраном вниз. Зачем она звонила — проверить, способен ли он ответить, или услышать ещё раз его имя в голосе автоответчика?

На верхней полке шкафа лежала жестяная коробка из-под печенья — синяя, с выцветшей золотистой каймой и рисунком парусника. Внутри: фотографии, детский рисунок, маленький пластиковый браслет из роддома.

Мария взяла фотографию. Павел держал Лизу на плечах. Девочке было около двух лет. Жёлтое платье в белый горошек, светлые волосы в коротких хвостиках. Маленькие руки вцепились в дядины волосы, а он изображал мучительную гримасу. Оба смеялись.

Павел всегда умел играть с детьми. Надувал резиновую перчатку, рисовал лицо и час разговаривал с племянницей от имени загадочного существа. Строил башни из кубиков. Терпеливо слушал правила её игр, хотя правила менялись каждые две минуты.

Мария прижала фотографию к груди, потом положила обратно. Под ключицей, ближе к сердцу, у неё была маленькая татуировка: имя дочери и дата рождения. Она сделала её через несколько месяцев после похорон. Тогда казалось, что, если написать имя на коже, оно уже никогда не исчезнет.

Ночью она не спала. За стеной кашлял сосед. По подоконнику стучал дождь. Мария перечисляла дела: билет, паспорт, документы, похороны, работа. Так было легче.

Она вспомнила, как в детстве Павел однажды сказал ей: «Машк, ты только ничего не бойся. Я же старший». Ей было лет семь. Наверное, сам он боялся многого. Но говорил уверенно, словно одного его присутствия хватит, чтобы с сестрой ничего не случилось.

— Паш… — произнесла Мария в темноте.

Никто не ответил.

Утром стоял серый неподвижный рассвет. Мария собрала сумку: паспорт, документы, бельё, свитер, зарядное устройство, лекарства. Перед зеркалом увидела осунувшееся лицо, тени под глазами. Надела чёрную водолазку, серые брюки, тёмное пальто. Достала фотографию Павла с Лизой и положила во внутренний карман сумки.

Перед выходом ещё раз открыла последний пропущенный вызов. Воскресенье, 20:43. Надо было ответить.

Закрыла квартиру, дважды повернула ключ и спустилась по лестнице.

Она ехала хоронить брата. Остальное пока не помещалось

в голову.

На площадке первого этажа пахло мокрой штукатуркой. Мария спустилась на улицу и остановилась под козырьком. Во дворе женщина поправляла на ребёнке капюшон. Мальчик вырывался, стараясь наступить в лужу, а мать держала его за запястье. Оба сердились, оба были живы.

Мария повернула к остановке. Брат лежал в районном морге. Она ещё не видела его лица, а уже знала, какие бумаги придётся подписать.

Глава 2. Крутой Яр

Автовокзал пах соляркой, мокрой одеждой и дешёвым кофе.

До отправления оставалось двадцать минут. Автобуса ещё не было, и пассажиры ждали в небольшом зале с жёлтыми стенами, пластиковыми сиденьями и огромными окнами, затянутыми грязноватой плёнкой дождя. Под потолком висел телевизор. Женщина с неподвижным лицом рассказывала о погоде на выходные, но звук был выключен, и слова бежали по нижнему краю экрана белыми буквами.

У касс стоял мужчина в оранжевом рабочем жилете. Он ел пирожок, откусывая большими кусками, и время от времени стряхивал крошки с рукава. Возле двери две пожилые женщины обсуждали стоимость лекарств. Одна показывала другой помятую аптечную квитанцию.

Мария купила воду и кофе в бумажном стаканчике. Кофе оказался обжигающим, горьким, с привкусом пластмассы. Она сделала два глотка и поставила стакан на подоконник.

Напротив сидела молодая мать с мальчиком лет четырёх. Ребёнок в ярко-зелёной куртке держал игрушечный грузовик с отломанным зеркалом. Раз за разом прокатывал машину по металлическому краю сиденья, сопровождая движение негромким рычанием.

— Сиди спокойно, Денис.

— Я еду.

— Вижу, что едешь.

— Далеко.

— Очень далеко.

Мальчик посмотрел на Марию и улыбнулся. У него были круглые щёки, чуть вздёрнутый нос и светлые ресницы. Мария отвела взгляд. В груди возникло знакомое чувство, будто кто-то осторожно тронул старый, давно заживший перелом.

На платформе оказалось холоднее, чем за стеклом. Мелкий дождь зависал в воздухе, почти невидимый, но оседал на волосах и пальто. Возле бордюра лежали размокшие билеты и жёлтые листья.

В Крутой Яр Мария не приезжала больше десяти лет. Последний раз приезжала ещё при жизни матери, когда Павел затеял большой ремонт. Тогда стояло лето, во дворе пахло смолой, досками и смородиной. Паша ходил без рубашки, обгоревший до красноты, таскал брёвна и смеялся, когда она предлагала снести сарай.

— Машк, ты в людях разбираешься, а в сараях ни черта.

Теперь она ехала туда, чтобы похоронить его.

Автобус подали с опозданием. Старый белый «ПАЗ» с синими полосами по бокам остановился у платформы и открыл двери. В салоне пахло резиной, мокрым дерматином и горячим металлом. Мария села у окна.

Город кончался долго. Сначала многоэтажки, гаражи, ма-

стерские. Потом частные дома с кирпичными заборами, коттеджные посёлки и рекламные щиты. На одном была счастливая семья перед белым домом: «Живите ближе к природе». За щитом темнела канава, доверху заполненная ржавой водой.

Потом начался лес. Голые берёзы с чёрными трещинами на коре, тёмные ели, низины с молочно-серой дымкой. Земля под деревьями была покрыта мокрой листвой, слипшейся в бурые пласты. Здесь осень выглядела старше. Не золотой, не печальной, не красивой. Просто всё отмирало.

Мария прижалась виском к холодному стеклу: прошлой ночью почти не спала. Но стоило закрыть глаза, возвращался голос участкового: «Утонул». И дальше — «берег скользкий», «выпивши». Слишком удобное объяснение. Она знала, что подозрение не становится доказательством, только потому что кажется убедительным.

Она открыла заметки в телефоне и написала:

Павел. Последние сутки.

Где обнаружено тело? Кто видел последним? Основания версии об алкоголе? Когда наступила смерть?

Убрала телефон. За окном показалось поле — огромное, серо-жёлтое, с остатками нескошенной травы. На краю стоял домик с провалившейся крышей. Ветер шевелил клочья рубероида, свисавшие с досок словно чёрная кожа.

Мать любила эту дорогу. В детстве показывала, где рос колхозный сад, где пасли коров, где стояла водокачка. Павел

верил каждому рассказу и норовил проверить. Как-то они вернулись из зарослей поцарапанные, с крапивой на ногах и одним кислым яблоком. Мать смеялась, отец сердился. Паша объявил экспедицию успешной.

Теперь сад исчез.

Пересадку в районном центре пришлось ждать. Автостанция занимала одноэтажное здание из красного кирпича. Над входом висел выцветший синий козырёк. Мария купила пирожок с картошкой. Он был горячим и жирным; она съела несколько кусочков.

— На Крутой Яр ждёте?

Рядом стояла крепкая женщина лет шестидесяти пяти в бордовом пуховике, с большой клетчатой сумкой. Её лицо было широким, румяным, с глубокими складками у рта.

— Да.

— А вы к кому?

— К брату.

— Фамилия?

— Тихонов.

Женщина оживилась.

— Пашка, что ли? А кто ж его не знает? Он мне котёл в прошлом году смотрел. Хороший мужик, руки золотые.

Мария опустила глаза.

— Павел умер.

Улыбка исчезла. Женщина медленно перекрестилась.

— Господи помилуй. Как же так?

— Утонул.

Собеседница на секунду отвела взгляд.

— У реки? Где?

— У старых мостков.

— А-а… Там место нехорошее.

— В каком смысле?

— Глубоко очень. Вода чёрная. Дно глинистое, берег обрывистый. Особенно осенью.

— И много людей там утонуло?

— Бывало.

— Когда?

— Да давно всё.

Женщина поспешно указала на подходящий автобус и больше не смотрела Марии в глаза.

Крутой Яр начинался с новых домов. На въезде стояли большие кирпичные коттеджи с тёмными крышами и широкими окнами. За металлическими заборами виднелись декоративные ели и дорожки из серой плитки. Между ними попадались старые деревянные дома с почерневшими брёвнами и маленькими окнами. На одном участке стоял ржавый трактор, на другом сохли детские вещи.

На площади были магазин, аптека, хозяйственная лавка, бывший сельсовет. Возле магазина курили двое мужчин, мальчишка катил велосипед. За площадью мелькнула зелёная крыша школы.

Деревня не умерла. Во всяком случае, не вся.

У остановки пахло землёй, печным дымом и прелой листвой. По краям дороги стояли старые липы, кора которых была рассечена глубокими трещинами. Мария пошла по знакомой улице. Павел часто ходил в магазин. Наверняка знал продавщиц по именам, болтал, шутил, спрашивал про сигареты.

На мгновение представила его у кассы: широкие плечи, тёмная куртка, сигарета за ухом.

— Машк, чего тебе взять?

Мимо прошёл мужчина с мешком картошки на плече.

— Осторожнее, женщина.

Мария отступила и пошла быстрее.

Дом Павла стоял на тихой улице за невысоким тёмно-зелёным забором. Сам дом был крепкий: светло-коричневая обшивка, новая тёмная крыша, широкое крыльцо с двумя ступенями. На окнах — простые деревянные наличники, тщательно подогнанные. Под навесом лежали ровными поленницами дрова, у стены стояла перевёрнутая тачка, возле сарая — старые шины. На коврике у крыльца загнулся угол. Павел наверняка поправил бы его.

У калитки она остановилась. Из-за дома раздался глухой лай. На дорожку выбежал крупный старый пёс с серо-рыжей шерстью, побелевшей мордой и тяжёлыми лапами. Одно ухо стояло, другое заваливалось набок.

— Барон?

Пёс наклонил голову, подошёл, обнюхал её руку. Потом

посмотрел за её спину, на улицу, и тихо заскулил.

Мария присела, погладила его по загривку.

— Не придёт он. Паша не придёт.

Барон прижался к её колену. Впервые с момента звонка участкового Мария едва не заплакала.

Ключ подошёл сразу. Павел дал его несколько лет назад: «Возьми, Машк, на всякий случай». Теперь замок щёлкнул, и она вошла.

В прихожей ещё держался Павлов запах: табаком, сухим деревом, машинным маслом, стиральным порошком и едой. На стене висела его куртка, под ней стояли ботинки с засохшей глиной. На полке лежали ключи, монеты, складной нож и зажигалка. В углу была сумка с грязной одеждой, на тумбочке — новая ярко-синяя коробка стирального порошка и частично придавленный ключами магазинный чек.

Павел купил порошок, принёс домой, поставил на тумбочку. Собирался стирать. Потом что-то произошло.

Мария повесила своё пальто рядом с братовой курткой. Рукава соприкоснулись. Она отодвинула пальто, потом вернула обратно.

Внутри было тепло. На стенах светлые деревянные панели, на полу линолеум под доску. Кухонный стол покрывала прозрачная клеёнка, под которой Павел положил старую карту России. Некоторые города обведены красной ручкой: Мурманск, Казань, Байкал, Владивосток. Он мечтал путешествовать, но всякий раз находились работа, ремонт, чужая

просьба.

— Успею, Машк. Куда оно денется.

На столе стояла белая кружка с отколотым кусочком эмали и засохшей заваркой. Рядом отвёртка и контейнер с винтами. На подоконнике — маленький деревянный медведь, когда-то подаренный Марией.

В комнате были диван, кресло с потёртыми подлокотниками, телевизор, книжный шкаф. Книг немного: справочники по ремонту, атласы, путешествия. На стене висел календарь с заснеженными горами. Под октябрём Павел написал: «Фильтр котла — суббота». Суббота прошла. Фильтр остался неизменённым.

Мария открыла холодильник. Яйца, молоко, масло, контейнеры с едой. В ящике морковь, картофель, лук; несколько морковок начали гнить. В морозилке мясо разложено по пакетам с датами. Павел покупал продукты, делал запасы, планировал ремонт. Готовился к обычной жизни.

В сенях нашлось ведро с кормом. На крышке чёрным маркером написано «БАРОН», под ним записка: «Утро — 2 совка. Вечер — 2 совка. Воду менять. Со стола не кормить, наглая морда».

Мария улыбнулась — впервые за два дня.

— Ну что, ваше благородие, ужинать будем?

Пёс завилял хвостом.

Она насыпала корм, поменяла воду, позвонила участковому.

— Михаил Егорович, это Тихова. Я приехала. Когда моего брата в последний раз видели живым?

— Сейчас устанавливается.

— Есть свидетели?

— Есть люди, с которыми надо поговорить.

— Кто они?

— Мария Андреевна, завтра подходите часам к десяти.

Она согласилась. Перед тем как закончить разговор, Лапшин предупредил:

— И вы это… Не ходите пока к реке.

— Почему?

— Там скользко. После дождей берег осыпается.

— Спасибо за предупреждение.

— Я серьёзно.

⁂

Когда Мария принесла Барону чистую воду, он не подошёл к миске. Пёс стоял на пороге кухни, припав грудью к полу, и тихо ворчал, обращаясь не к ней, а к пустому углу возле старой чугунной батареи.

— Тебе что не нравится?

Вода в металлической миске дрогнула. На её поверхности возникла маленькая круглая складка, потом вторая — точно кто-то неслышно постучал пальцем снизу по тонкому дну. Кольца пошли от середины к краю, коснулись стенок, вернулись обратно. Кран был закрыт. Мария поставила ладонь на пол: доски не вибрировали. В чашке с недопитым чаем,

оставленной на тумбочке, поверхность не шевельнулась.

Она приподняла миску. На днище не было ничего, кроме рельефного заводского клейма и нескольких царапин. Вода сразу успокоилась.

— Трубы? — спросила Мария у собаки.

Барон отступил, когда она поставила миску обратно.

Мария подождала. Вода была неподвижна. Она провела пальцем по краю: прохладная, самая обычная. Принесла другую миску из шкафа, налила туда воды из того же крана. Ничего не произошло.

Она перелила воду обратно. Барон попятился до порога и лёг, повернув морду к стене. Впервые за вечер он не потянулся за её рукой.

Мария не любила ощущения, которое невозможно было назвать. Она вытерла ладони, подняла миску на деревянную скамейку и оставила до утра. Перед сном заглянула ещё раз. Вода стояла ровно, отражая квадрат лампы. Пёс так и не притронулся к ней.

Ночью Мария проснулась от стука водосточной трубы и долго убеждала себя, что в доме просто плохо закреплена батарея.

— Я тоже.

Мария положила телефон. За окном сгущались сумерки. Барон сидел у калитки, повернувшись лицом к улице, словно продолжал кого-то ждать.

Она достала блокнот и написала: «Павел Андреевич Тихо-

нов. 1977–2026». Цифры были окончательными. Ниже: «Последние сутки» — и вопросительный знак.

Вечером к дому кто-то подошёл. Барон услышал первым, поднялся и остановился возле двери. На щебне хрустнули шаги. Мария выглянула: у калитки стоял высокий худой старик в тёмном пальто и серой шапке. Половина лица скрывалась в тени.

— Вам кого? — спросила она с крыльца.

Старик поднял голову. Узкое лицо, острый нос, глубокие складки возле рта, бледные светлые глаза под густыми седыми бровями.

— А. Значит, приехала.

— Мы знакомы?

— Меня-то ты вряд ли помнишь. Аркадий Степанович Митрошин.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Деревня, девочка. Здесь всё знают.

Он поглядел на дом.

— Жалко брата твоего. Хороший был мужик. Всякое, конечно, говорят.

— Что именно?

— Что выпил. Что ночью к реке пошёл.

— А вы откуда знаете?

— Слухи.

— От кого?

Старик усмехнулся.

— Ты вся в мать.

— Вы знали мою мать?

— Конечно. Хорошая была женщина. Разумная. Умела вовремя остановиться.

Мария не сразу нашла ответ. Он произнёс это почти ласково, будто напоминал о чём-то, известном им обоим.

— Что вы имеете в виду?

— Да ничего. Старые времена вспоминаю.

Барон стоял у её ног и молча смотрел на старика.

— Ну что, Барон? Осиротел? — спросил Аркадий. — Хороший пёс.

Потом повернулся к Марии:

— Ты тут надолго?

— Пока не знаю.

— Ну, если понадобится, обращайся. Мы здесь свои люди.

Он пошёл прочь, слегка припадая на правую ногу. На углу остановился и обернулся.

— Мария.

— Что?

— Не всё старое надо ворошить.

— Что именно?

Но старик уже ушёл.

Мария долго стояла на крыльце, затем закрыла дверь и записала в блокнот: «Аркадий Степанович Митрошин. Знал мать. Упомянул старые времена». Она не знала, имеет ли это отношение к смерти Павла. Старик мог просто любить за-

гадки и чужие дела.

Стемнело. Барон ещё раз подошёл к двери, прислушался и лёг на холодные доски.

Река текла за низиной, невидимая из Павлова дома. Ветер иногда приносил с её стороны запах ила.

Глава 3. Дом, в котором ждут

Ночью Мария несколько раз просыпалась от того, как ветки били в стекло.

Ветер переменился: теперь тянуло с северных полей. Мелкая ледяная крупа сухо шуршала по крыше. Старые яблони раскачивались за окном; голые ветки цеплялись друг за друга и с треском расходились.

Мария устроилась на диване в большой комнате, положив под голову подушку из спальни Павла, но сон не приходил. Бельё пахло хозяйственным мылом, табаком и чуть заметно мужским одеколоном. Подушка оказалась слишком высокой. Мария несколько раз переворачивала её, потом отложила и легла на согнутую руку.

Дом освещал только уличный фонарь. Его жёлтое сияние проникало между занавесками, ложилось на стену узкой полосой и едва доставало до шкафа с книгами.

Днём шкаф был простым, крепким, самодельным. Павел собрал его из сосновых щитов, обработал морилкой и покрыл матовым лаком. На дверцах сохранились следы карандашной разметки. Ночью шкаф превращался в тёмную громаду с едва различимыми гранями.

Он не пугал Марию. Больше беспокоил звук холодильника. Компрессор включался каждые двадцать минут с металлическим щелчком, потом начиналось низкое гудение, буд-

то где-то под полом работал неисправный двигатель. В своей квартире она знала каждый бытовой звук. Здесь всё было незнакомым. Даже тишина.

Из прихожей доносилось тяжёлое дыхание Барона. Пёс отказался идти в комнату и остался на старом половике перед входной дверью. Время от времени когти скребли по доскам.

Мария посмотрела на часы. Без двадцати три.

Вспомнила последний приезд Павла. В сентябре он привёз два пакета грибов и нелепый налобный фонарик. Был в джинсовой куртке, пах табаком и машинным маслом. На щеке красовалась царапина.

— Это что? — спросила Мария.

— Боевой шрам.

— Где получил?

— В сарае.

— С кем воевал?

— С граблями. Сильный противник, Машк. Опытный.

Он смеялся, потом долго возился под её кухонной раковиной. Мария предлагала вызвать сантехника, но Павел отмахивался: «Делов на пять минут». Провозился почти час, вылез и попросил чаю.

Мария помнила крупное лицо с загорелой кожей, морщинки у глаз, редеющие волосы, седину на подбородке, которую он называл «благородной проседью». Большие исцарапанные руки с обломанными ногтями.

Павел был старше на пять лет. В детстве казалось, что это

целая жизнь: он умел лазить по деревьям, разбирать часы, разводить костёр. Потом разница почти исчезла. Теперь он навсегда остался сорокадевятилетним, а ей предстояло жить дальше.

Барон зашуршал половиком в прихожей. Пёс встал и остановился перед дверью. Ветер шевельнул яблони, собака тихо заскулила.

— Барон, — позвала Мария. — Иди сюда.

Она вышла, присела рядом с ним и погладила между ушами.

— Не придёт он, старик.

Пёс смотрел на дверь.

— Не придёт.

Она произнесла это спокойнее, чем накануне. Проверила замок и вернулась в комнату.

К утру на всём выступил иней. Тонкий белый налёт лёг на перила, щебень, листья в канаве. Лужи затянулись мутным хрупким льдом. Небо было бесцветным, словно деревню освещал один огромный тусклый светильник.

Во двор она вышла в Павловой куртке. Рукава закрывали кисти, плотная ткань пахла табаком и холодным воздухом. Барон пошёл к сараю, осторожно ступая по подмёрзшей земле. Мария сменила воду, насыпала ему два совка корма и прислонилась к перилам.

За соседским забором кто-то колол дрова. Свист топора, глухой удар, треск дерева. Из трубы соседнего дома подни-

мался густой сизый дым и расползался рваными клочьями.

Мария вспомнила Аркадия Митрошина. Высокий сухой старик, слегка берёг правую ногу, но говорил как человек, которого долго слушались. Бледно-серые глаза не улыбались, даже когда губы складывались в улыбку.

«Умела вовремя остановиться».

Она попыталась представить мать молодой. Зоя Тихонова родилась в Крутом Яру, росла здесь, училась, проводила летние вечера у реки. Потом уехала, получила медицинское образование, вышла замуж, родила детей. О деревенской молодости рассказывала мало. У родителей была своя жизнь до рождения детей, свои друзья и ошибки.

Аркадий вполне мог помнить давнюю ссору. Или просто любил говорить загадками.

Перед уходом Мария решила найти братовы документы. В спальне стоял большой трёхстворчатый шкаф из тёмного дерева с латунными ручками. Внутри висели рубашки, свитеры, рабочие куртки, брюки. На верхней полке лежали одеяла, коробки и старая спортивная сумка.

В ящике комода она нашла документы на дом, гарантийные талоны, квитанции и синюю папку с надписью «МЕДИЦИНА». Внутри — несколько старых справок, анализы, заключение терапевта двухлетней давности. Ничего, что сразу объясняло бы смерть.

Павел никогда особенно не заботился о здоровье. Неделями кашлял, прежде чем соглашался сходить к врачу. Назы-

вал простуду «мелкой неисправностью организма». Мария ругалась, он обещал обследоваться. Иногда действительно обследовался.

В жестяной коробке лежали старые фотографии. На одной молодой Павел стоял возле реки в белой майке и выцветших джинсах. За его спиной — деревянные мостки, кусты и тёмная вода. На обороте: «Пашка. Июль 1997». Мария задержалась на снимке. Неизвестно, были ли это те мостки, возле которых его нашли.

Участковый пункт находился рядом с центром. Мария шла по узкой улице, где под ногами хрустела подмёрзшая грязь. Деревянные заборы чередовались с воротами из профнастила, над дорогой тянулись голые ветки яблонь.

На крыльце сидела толстая рыжая кошка и следила за Марией жёлтыми глазами. Женщина в синем платке вытряхивала половик. Мария поздоровалась, но та не ответила.

На площади разгружали хлеб. Из кузова пахло свежей выпечкой. На лавке сидели двое стариков: один курил, второй держал трость с блестящей рукоятью. Оба посмотрели на неё.

Сельсовет занимал двухэтажное здание из красного кирпича, потемневшего от времени. Рядом была пристройка с пластиковой дверью и табличкой «Участковый пункт полиции».

Внутри пахло мокрой одеждой, бумагой и растворимым кофе. Светло-бежевые стены, коричневая полоса масляной

краски внизу, стенд с памятками. За дверью звучали голоса.

— Да, входите.

Кабинет оказался тесным: стол из тёмного ДСП, компьютер, принтер, металлический шкаф, пыльный фикус. За столом сидел плотный мужчина лет пятидесяти с короткими седоватыми волосами, тяжёлыми веками и глубокими складками у рта. На переносице краснел след от очков.

— Вам кого?

— Лапшина Михаила Егоровича.

— Это я.

— Тихова. Мария Андреевна.

Он поднялся, выразил соболезнования, предложил сесть.

— Паша хороший был мужик.

— Вы его знали?

— Конечно. Деревня маленькая.

— Я спрашиваю, хорошо ли знали.

Лапшин нахмурился.

— Достаточно. По хозяйству помогал, кое-что чинил. Нормальный мужик был.

— Тогда расскажите, что случилось.

— Пока обстоятельства устанавливаются. Тело обнаружили в воде, возле старых мостков. Утром. Рыбаки.

— Кем именно?

— Это сейчас несущественно.

— Почему?

— Потому что они только обнаружили тело.

— Вы уверены, что только обнаружили?

Лапшин посмотрел внимательнее:

— Вы что-то предполагаете?

— Пока нет.

— Тогда давайте без предположений.

— В каком положении находилось тело? У берега, под мостками, на поверхности?

— Мария Андреевна, вы кем работаете?

— Сейчас уборщицей.

— А раньше?

— Следователем.

Мужчина медленно кивнул.

— Тогда должны понимать, что я не могу обсуждать все материалы проверки.

— Понимаю.

— И всё-таки спрашиваете.

— Потому что он мой брат.

Лапшин опустил глаза. На левой руке у него отсутствовал ноготь на мизинце — старый след травмы. На правой было широкое поцарапанное обручальное кольцо.

— Тело обнаружили в воде, недалеко от берега. Рыбаки сообщили. Всё оформлено как положено.

— Время смерти?

— Предварительно ночью. Окончательно скажет эксперт.

— Есть признаки насильственной смерти?

— Пока оснований утверждать это нет.

— А исключать?

Он не ответил.

Мария спросила, почему он говорил об алкоголе. Лапшин признал, что окончательных данных исследования ещё нет.

— Тогда вы не знаете, был ли он пьян.

— Не знаю наверняка.

— Спасибо.

— За что?

— За точный ответ.

Лапшин раздражённо отложил ручку и спросил, жаловался ли Павел на здоровье. Мария насторожилась.

— У вас есть основания предполагать, что ему стало плохо?

— Пока нет. Человек мог оказаться в воде не только из-за алкоголя. Мог оступиться. Могло стать плохо. Всё рассматривается.

— Кто последним видел его живым?

— Устанавливаем.

Они обсудили порядок получения вещей, документов и результатов проверки. Когда Мария поднялась, участковый спросил:

— Вы надолго приехали? Дом продавать будете?

— Брата ещё не похоронили.

Лапшин покраснел.

— Я не в том смысле. Дом хороший, Паша много в него вложил.

— Я знаю.

У двери он предупредил:

— У старых мостков не ходите пока. Берег осыпается.

— Вы уже предупреждали.

— Я серьёзно.

— Хорошо.

На улице начался мелкий дождь. Мария постояла под козырьком, записала в телефон: «Лапшин. Не подтверждает алкоголь. Время смерти — предварительно ночь. Последний свидетель не назван». Потом добавила: «Может быть, просто осторожничает». Не хотела превращать каждого встречного в подозреваемого.

⁂

После разговора с участковым Мария остановилась у колонки возле бывшего сельсовета. Рядом стояла пожилая женщина в малиновом пуховике с двумя пустыми канистрами. Колонка не работала: её металлический носик был обмотан проволокой и старой синей изолентой.

— С осени отключили, — пояснила женщина. — Сказали, под землёй труба сгнила. А починят, когда деньги будут.

В придорожной канаве бежала вода, переворачивая чёрные листья и крошки пенопласта.

— Слышала, Пашку вашего нашли, — сказала женщина, хотя Мария ей не представилась.

— Да.

— Добрый был. Шланг к насосу мне менял, денег не взял.

Женщина осторожно поставила канистру на землю. Пластик хрустнул от холода.

— А вы откуда знаете, что я его сестра?

— Утром уже сказали. Городская, в следствии раньше служила.

У женщины был тонкий прямой нос; один глаз слезился от ветра. Она говорила с привычной уверенностью человека, которому полагается знать все соседские новости.

— Кто сказал?

Женщина пожала плечами.

— Не помню. Тут все говорят.

Когда Мария пошла дальше, у колонки остались стоять две пустые канистры. Женщина так и не наполнила их. Пришла за водой и почему-то не взяла её. Мария оглянулась, но собеседница уже шла в сторону площади, быстро переставляя ноги в резиновых галошах.

К часу дня Мария вернулась к дому. Дождь усилился; вода из трубы звенела по оцинкованному ведру. Барон встретил её возле калитки, с мокрой шерстью и грязными лапами. Мария сняла братову куртку, заметила на полу комок земли и вытерла его тряпкой.

Вечером постучала Людмила Сергеевна. Полная пожилая женщина в бордовом пальто, платке и резиновых сапогах держала эмалированную кастрюлю, завёрнутую в полотенце.

— Здравствуйте, милая. Я вам щи принесла. А то вы одна, небось, ничего не ели.

На кухне она поставила кастрюлю. Пахло капустой, мясным бульоном и лавровым листом. Людмила сняла платок; короткие седые волосы были аккуратно подстрижены.

Увидев Павлову кружку, она отвернулась и заплакала.

— Ох, Пашка, Пашка… Он мне в прошлом месяце калитку чинил. Я ему деньги, а он ни в какую. «Вы мне лучше щей сварите», — говорит. Вот и сварила.

Мария налила соседке чаю. С минуту они сидели молча.

— Вы к Лапшину ходили? — спросила Людмила Сергеевна.

— Да. Пока ничего определённого.

— У них всегда так.

— Павел пил в последнее время?

— Паша? Да почти нет. На празднике рюмку мог поднять, а так нет. После спиртного у него голова болела.

— Участковый говорит, что мог быть пьян.

Соседка нахмурилась.

— Странно. И к реке он последнее время не ходил.

— Откуда знаете?

— Да… не видела. Раньше на рыбалку ходил, с Бароном гулял. А последнее время какой-то другой был. Усталый. Вроде улыбается, а глаза совсем другие.

— А в ту ночь? — спросила Мария. — Вы ничего не слышали?

Людмила Сергеевна смяла край полотенца, в которое была завёрнута кастрюля.

— Барона слышала. Он к калитке с лаем прибежал, скрёб железо. Я сперва решила, что Паша вернулся с прогулки. А утром смотрю: калитка у них не заперта, на дорожке собачьи следы. Сам Барон во дворе. Паши нет. Тогда ещё не знала ничего.

— Вы это Лапшину сказали?

— Про собаку? Нет. Он меня спрашивал, видела ли я Пашу. А я его не видела.

Мария запомнила это различие. Соседка слышала пса и видела открытую калитку, но не могла сказать, куда и с кем тот ходил.

— Что-нибудь рассказывал?

— Нет. Только спрашивал иногда.

— О чём?

Людмила опустила глаза.

— Про старые истории.

— Какие?

— Да всякое.

— Мой брат умер. Если вы знаете что-то, что поможет понять почему, скажите, пожалуйста.

Долго было слышно только стук дождя по подоконнику. Потом соседка произнесла:

— Вы к Ангелине Матвеевне сходите.

— К кому?

— Малышева. На Заречной живёт. Последний дом перед спуском. Паша к ней часто ходил.

— Зачем?

— Помогал по хозяйству. И разговаривали много.

— О чём?

— Не знаю.

Людмила осторожно отодвинула кружку.

— Вы только не говорите никому, что я вас к ней отправила.

— Почему?

— Не любят у нас старое вспоминать.

Когда соседка ушла, Мария достала блокнот и записала: «Ангелина Матвеевна Малышева. Павел часто приходил. Старые истории». И ниже: «Почему Людмила просила не говорить о разговоре?»

Деревня казалась обычной: люди помогали соседям, курили возле магазина, обсуждали цены, здоровье, дрова. Но стоило спросить о смерти Павла, как они отводили глаза и говорили тише. Мария не знала, связано ли это с братом. Пока она видела только молчание. Очень старое и очень старательно сохраняемое.

Ночью ей приснилась река. Широкая, залитая летним солнцем, с жёлтым песком и низкими ивами. Маленькая Мария стояла по колено в воде. Павел плыл чуть дальше.

— Машк, иди сюда! Не бойся. Я рядом.

Она шагнула, и под ногой исчезло дно. Вода закрылась над головой. Вместо Павла перед ней возникло женское лицо. Молодое, с тёмными волосами, прилипшими к щекам. Рот

двигался, но слов не было слышно — только редкие пузырьки воздуха. Женщина вдруг схватила Марию за запястье.

Мария проснулась. На часах было 03:17. Сердце колотилось. В комнате стояли шкаф, диван, календарь с горами. Она выпила воды. Барон опять не спал, стоял возле двери, подняв голову.

— Ты чего не спишь? Иди ложись.

Пёс смотрел на дверь. Снаружи было тихо; дождь закончился, ветер стих. Только где-то далеко, за деревней, изредка доносился глухой шум реки.

На другом конце Крутого Яра, в доме с зелёной калиткой, не спала и Ангелина Малышева. Ей исполнилось восемьдесят шесть, но ночью она по-прежнему оставляла на столе лампу, чтобы не искать выключатель в темноте.

Старуха сидела за письменным столом под маленькой лампой с зелёным стеклянным абажуром. Перед ней лежали пожелтевшие письма, выцветшие чернила, конверты с давно не существующими адресами. На верхнем листке неровным молодым почерком было написано: «Ангелинка, ты только не ругайся, но я, кажется, здесь кое-кому очень не нравлюсь…»

Ангелина держала письмо обеими руками. Пальцы дрожали. Она перечитывала эти слова много лет. Но сегодня впервые за долгое время рядом не было человека, с которым она могла их обсудить.

Павел больше не придёт.

Старуха сложила лист, положила в конверт и погасила лампу. С минуту она сидела в темноте.

Глава 4. Сколько стоит проводить человека

Мария насчитала в Павловом доме три будильника.

Один стоял на прикроватной тумбочке — маленький, электронный, с красными цифрами, которые ночью делали угол спальни похожим на кабину старого грузовика. Второй висел на кухне, белый, круглый, с треснувшим пластмассовым ободком. Третий Мария нашла утром в сарае: дешёвый механический будильник с железным звонком наверху, поставленный на полку между банками с гвоздями. Все три показывали разное время.

Кухонный спешил на семь минут, спальня отставала на три, а сарайный, судя по всему, давно остановился. Стрелки застыли без двадцати шесть. Мария повертела будильник в руках и поставила обратно, стараясь не задеть стоявшую рядом банку из-под растворимого кофе. В банке лежали одинаковые короткие шурупы — шляпками вверх, будто Павел нарочно высыпал их и потом терпеливо рассортировал.

На дворе светало тускло, нехотя. Оконные стёкла в сарае были покрыты мелкими пузырьками старой замазки; через них сад казался затянутым мутным зеленоватым льдом. Пахло сырой стружкой, железом и мышами. С потолочной балки свисал моток пенькового шпагата. В дальнем углу стоял разобранный велосипед, над которым Павел, очевидно,

работал: на верстаке лежали протёртая ветошь, рожковый ключ и очищенная от ржавчины звёздочка.

За складными стульями Мария пришла в сарай. Людмила Сергеевна обещала зайти после завтрака и помочь с похоронами, но объяснила по телефону, что сначала следует пересчитать, сколько в доме сидячих мест. «Народ, Мария Андреевна, придёт, Пашку любили. А где людей сажать?» Мария пыталась сказать, что похорон пока даже не назначили. Соседка выслушала и ответила: «Так вот именно. Ничего же ещё не готово».

За досками стояли два складных стула. Один она приставила к стене. На ножке остался засохший комок белой краски. Когда-то Павел красил ими потолок и, вероятно, всё собирался отмыть.

— Сорок девять лет, — произнесла Мария вслух.

Не возраст — неполных пять десятков, а такой длинный перечень незаконченных дел.

За стеной сарая Барон тяжело отряхнулся. Его ошейник негромко звякнул. Мария вышла на крыльцо, прикрыла дверь и увидела, что по низкому небу тянутся бледные полосы облаков. Вдоль забора стояли лужи, подёрнутые тонким льдом. Край неба за соседскими крышами был бледно-жёлтым, почти больничным, и от этого влажная деревенская улица казалась ещё темнее.

Барон лежал у калитки. Старый пёс вытянул передние лапы и положил на них морду. Каждые несколько минут он

поднимал голову, когда за забором слышались шаги, но снова опускал, разочарованный.

— Пойдём в дом, — сказала Мария.

Пёс не пошёл.

⁂

Людмила Сергеевна появилась около десяти, с папкой из плотного розового картона и двумя бумажными пакетами. Сквозь один проступало тёмное масляное пятно: соседка принесла домашние пирожки. На ней был стёганый сливовый жилет поверх серого свитера, платок в мелкий синий цветочек и невысокие резиновые сапоги, измазанные у подошвы белёсой глиной.

— Вы-то сами завтракали? — спросила она ещё с порога.

— Кофе пила.

— Ну, кофе — это воздух. Вот, ешьте.

Людмила Сергеевна передала Марии тёплый пакет и прошла на кухню. Круглое лицо соседки порозовело от холода; под глазами залегли мягкие сероватые тени. Руки были широкие, с припухшими суставами, и на левой руке блестело тонкое обручальное кольцо, почти врезавшееся в кожу.

Людмила Сергеевна положила папку на клеёнку, села и разгладила юбку поверх коленей.

— Значит, сперва бумажки. Я Галине из районной службы звонила. Она говорит, что с вами уже разговаривала.

Мария поставила чайник.

— Разговаривала. Сегодня ещё раз созвонюсь. Пока не всё

ясно по срокам.

— Ясно никогда не бывает. Особенно когда от районных чего-нибудь нужно. Вы вот здесь запишите, — соседка подвинула к ней листок, исписанный аккуратным почерком, — кого везти, кто по столу поможет. Клуб, может, дадут. В доме человек сорок не посадишь.

На листке стояли фамилии. Напротив некоторых — галочки и пометки: «холодец», «посуду», «скатерти», «машина». Мария увидела слово «Митрошины» и задержала взгляд.

— Аркадий Степанович помогает?

— Ну а как же. Он с Верой Павловной уже спрашивал, чего надо. Люди они старые, но не чужие.

— Павел с ними дружил?

Соседка подняла глаза.

— Да кто ж его знает, как взрослые мужики дружат. Здоровались, встречались. Паша им кран чинил. Нина тоже к нему обращалась.

— Нина — это их дочь?

— Дочь. Тихая такая. В школе иногда бумаги разбирает, помогает. Отца с матерью обхаживает. Не замужем, давно одна. — Людмила Сергеевна запнулась. — Я вам не для пересудов говорю.

— Я и не пересуживаю.

Снаружи глухо стукнула калитка. Барон поднял голову. Мария дождалась, пока он снова опустит морду на лапы, и

спросила:

— Вы вчера сказали, что брат в последние недели изменился. А что-нибудь конкретное помните?

Людмила Сергеевна развязала пакет с пирожками и старательно расправила его края.

— Худой стал. Не так чтобы совсем, а осунулся. Встречу у магазина, он будто слушает, что сзади делается. Я ему: «Паш, у тебя кто деньги украл?» А он: «Нет, Людмила Сергеевна, это я у себя спокойствие украл, и теперь не могу найти». Пошутил, значит.

— Когда это было?

— Недели полторы назад. Может, две. Дни сейчас одинаковые. С утра темно, вечером темно.

При виде Мариного блокнота соседка насторожилась.

— Вы всё записываете?

— Иначе забуду.

— Ну да. — Людмила Сергеевна опустила глаза. — Я ведь не знаю ничего. Он мне ничего такого не говорил.

— Я поняла.

— Только вы на людей не думайте плохого заранее. Паша всем помогал. Кто ему зла желать станет?

Мария промолчала. Перед ней остывал пирожок с капустой, разломленный над тарелкой. На белом тесте проступило тёмное пятно начинки.

— А кто первым заговорил, что он выпил? — спросила она.

Соседка нахмурилась.

— Не помню. Будто сразу все так говорили.

— До того, как было заключение?

— Какие у нас заключения, Мария Андреевна. Утром узнали, к обеду уже каждый по-своему пересказывал.

Она замолчала, потом добавила:

— Неправильно это. Он хороший был. Даже если выпил — всё равно хороший.

На этот раз Мария посмотрела на соседку с благодарностью. Людмила Сергеевна смутилась и принялась собирать крошки со стола в ладонь.

⁂

Они поехали в район на соседской машине. За рулём сидел муж Людмилы Сергеевны — невысокий седой мужчина по имени Виктор Ильич. У него были широкие, будто приплюснутые пальцы и почти неподвижное лицо, из-за чего трудно было понять, слушает ли он разговор. На заднем сиденье пахло старой тканевой обивкой, яблоками и бензином. В кармане двери лежали затвердевшая от холода салфетка и ручка с отломанной крышкой.

Пока машина ползла по мокрой дороге между огородами и пустыми полями, Людмила Сергеевна объясняла, у кого лучше заказывать поминальный обед, где взять лишние тарелки, кому позвонить по поводу кладбища. Мария отвечала односложно. Она смотрела в окно на чёрные борозды распаханного поля. В низине возле дороги стояла вода —

ровная, цвета старого зеркала. Над ней неподвижно торчали прошлогодние стебли камыша.

В похоронной службе было тепло до духоты. Маленькое помещение с кремовыми стенами и лампами дневного света делилось на две части: стол для посетителей и витрины с венками, лентами, образцами обивки. В углу работал электрический обогреватель. Пластиковые лепестки искусственных цветов поблёскивали слишком ярко — бордовые розы, лиловые гвоздики, безукоризненно белые лилии.

Женщина за столом, Галина, носила короткую стрижку с медно-рыжим оттенком и очки на цепочке. У неё был суховатый, деловой голос и манера придерживать большим пальцем верхний край каждой бумаги, прежде чем передать её посетителю. Она извинилась, что часть документов ещё оформляется, перечислила дальнейшие действия и показала каталог.

— Дерево какое рассматриваем? — спросила она.

Мария не сразу поняла.

— Что?

— Для гроба. Вот сосна, вот с отделкой. Есть подороже, но вам я бы не советовала переплачивать.

На фотографии мужчина лежал в светлом лакированном гробу, окружённый цветами. Лица было не видно, только сложенные руки и белоснежные манжеты. Фотография была снята под таким углом, чтобы показать блеск поверхности.

Пальцем она коснулась края каталога. Ламинат на столе

был тёплым от обогревателя.

— Обычный, — сказала она.

— Какой именно?

— Хороший. Простой. Без блеска.

Галина перевернула страницу.

— Вот этот посмотрите.

Мария посмотрела. На светло-коричневой древесине отчётливо виднелись волокна. Вспомнились сосновые доски в Павловом сарае — сухие, отшлифованные, сложенные ровно, чтобы не повело.

Паша умел выбирать дерево. Проводил ладонью вдоль доски, прищуривался, смотрел на сучки, стучал костяшками пальцев. Мария не знала, какой гроб он выбрал бы себе. Скорее всего, рассмеялся бы и предложил сделать самому.

— Этот, — сказала она.

Галина записала выбор. Не изменилась в лице. Для неё это была не жестокость, а рабочий день: в следующей графе требовалось поставить галочку.

Мария подписала бумаги. Когда дело дошло до одежды, она сказала, что привезёт рубашку и брюки из дома. Галина объяснила, когда и куда их нужно передать.

Выйдя на улицу, Мария остановилась возле стены. На штукатурке за её спиной вздулись мокрые пузыри, а под ногами темнела лужа с бензиновой радугой. Она стояла, прижимая к себе папку, и смотрела, как с крыши капает вода.

— Пойдёмте, — тихо сказала Людмила Сергеевна. —

Простудитесь.

Мария не двинулась.

— Там дерево, — сказала она.

— Где?

— В каталоге. Он бы сразу заметил, из чего сделано. А я ничего в этом не понимаю.

Людмила Сергеевна взяла её под локоть — несильно, оставляя возможность отстраниться.

— Не надо вам понимать всё, милая.

Виктор Ильич, стоявший возле машины, деликатно отвернулся и принялся протирать боковое зеркало рукавом.

⁂

После обеда Мария осталась одна. Соседи уехали договариваться о столах, обещав вернуться вечером. В доме Павла посерело. Слабый дневной свет приходил сквозь окна, отражаясь от мокрых ветвей яблонь. Деревянные стены отдавали тепло, но в глубине коридора было прохладно; там пахло старым лаком и сапожным кремом.

Она открыла шкаф в спальне.

На тёмных плечиках висели рубашки — клетчатые, выцветшие, две светлые, почти новые. Павел не любил наряжаться и терпеть не мог тугих воротников. В дальнем углу висел серый костюм в чехле. Мария сняла его, развернула на кровати. На одном лацкане виднелся крохотный прожжённый след. Сигарета. Конечно.

Она провела пальцем по ткани. Костюм пах шкафом и су-

хой пылью. Павел надевал его на свадьбы и юбилеи, ворчал, что брюки натирают и что он похож на человека, пришедшего устраиваться в бухгалтерию.

Мария вернула костюм на место.

Взяла голубую рубашку из плотного хлопка. На левом манжете была маленькая белая пуговица, пришитая ниткой другого оттенка. Он, наверное, пришивал сам. Получилось грубо и крепко, как всё, что делал Павел.

К рубашке подобрала тёмные брюки. Долго смотрела на вещи, разложенные на покрывале, пока не поняла, отчего не может уйти: они выглядели как одежда, приготовленная для поездки. Нужна была всего одна привычная подробность — раскрытая дорожная сумка рядом, пакет с сигаретами, забытая зажигалка.

Она села на край кровати.

Одеяло под ней слегка пружинило. Из-за стены слышно было, как Барон лакает воду. Потом миска заскребла по полу.

Вся жизнь Павла помещалась теперь в необходимость выбрать рубашку.

Мария достала телефон. Открыла его фотографию, сделанную два месяца назад: брат стоял у своего дома с рулеткой в руке, в потрёпанной рабочей куртке. Щурился от солнца и показывал куда-то за спину, где виднелась недостроенная полка. На снимке левая рука слегка смазалась — он двигался и даже ради фотографии не мог постоять спокойно.

— Вот в этом ты и должен быть, — сказала Мария.

Телефон погас.

Она положила его на покрывало лицом вниз.

⁂

Ближе к четырём кто-то постучал в калитку. Три быстрых удара по железной накладке. Барон вскочил, залаял и тяжело побежал к выходу. Мария, ещё не успевшая убрать рубашку, вышла на крыльцо.

У ворот стояла женщина лет шестидесяти с небольшим. Невысокая, худощавая, в длинном коричневом пальто и чёрном платке, завязанном под подбородком. В руках она держала серую тканевую сумку, прижимая к себе так крепко, что пальцы побелели. У неё было узкое лицо с выступающими скулами, тонкий нос и светлые глаза, глубоко посаженные под тяжёлыми веками. Губы были обветренные, со следом засохшей крови в уголке.

Женщина несколько раз посмотрела мимо Марии, в сторону улицы, прежде чем заговорить.

— Вы Мария Андреевна?

— Да.

— Я Нина. Нина Митрошина. Аркадия Степановича дочь.

Мария спустилась с крыльца. Под каблуком хрустнул тонкий лёд, затянувший лужу.

— Здравствуйте.

Нина кивнула. Шарф у неё был намотан слишком плотно, под подбородком образовалась толстая складка. Нина то и

дело оттягивала шарф двумя пальцами, будто он мешал дышать.

— Я… мы с мамой хотели узнать. Вам помощь нужна? Там по столам, по людям.

— Спасибо. Людмила Сергеевна занимается.

— Да. Я слышала.

Нина не уходила. Она смотрела то на Марию, то на Барона, который теперь молчал и обнюхивал край её пальто.

— Паша был добрый, — сказала женщина наконец.

— Да.

— Он нам с отцом помогал. С крышей. И трубы смотрел.

— Он многим помогал.

— Да.

Нина сглотнула. В горле у неё дёрнулся маленький острый выступ. Мария заметила, что в правой руке женщина сминает край сумки, хотя та уже перестала съезжать с плеча.

— Вы его недавно видели? — спросила Мария.

Нина подняла глаза.

Между ними прошла длинная секунда. На улице за соседским домом лязгнула крышка мусорного бака. Где-то двое детей спорили о велосипеде.

— Когда? — переспросила Нина.

— В последние дни.

— Нет. — Ответ прозвучал коротко. — Нет, не видела.

Мария ничего не сказала.

Нина опустила взгляд на мокрый щебень.

— Я вообще… редко выходила. Мама простыла. Я дома.

— Понятно.

— Вы не подумайте, что я… — Женщина запнулась и потёрла ладонь о пальто. — Я просто хотела помочь.

На худой шее проступали сухожилия, у висков залегли впадины, в уголке рта белела трещинка.

— Спасибо, Нина Аркадьевна. Если понадобится, попрошу.

Женщина кивнула и тут же отвернулась.

— Хорошо. Я тогда пойду. Мама ждёт.

Она повернулась и пошла вдоль забора, маленькими торопливыми шагами. Когда дошла до поворота, остановилась, оглянулась на дом Павла, а затем исчезла за липой.

Барон негромко фыркнул и вернулся к крыльцу.

Мария постояла ещё немного. В памяти остался не ответ Нины, а тот миг перед ним, когда женщина посмотрела ей в глаза. Можно было испугаться вопроса о покойнике. Можно было не знать, как говорить с родственницей. Но Нина отреагировала так, будто услышала имя, которое ей запретили произносить.

Мария не стала записывать этого в блокнот. Догадки ещё не были фактами.

⁂

После ухода Нины на улице стало темнеть. Соседские окна зажглись одно за другим: в одном вспыхнул белый холодный свет, в другом — мягкий оранжевый. Сквозь широкое

окно нового коттеджа виднелся огромный телевизор, показывавший зелёное футбольное поле. За старым деревянным забором кто-то включил банную печь: дым был густой, острый, пахнул берёзовыми дровами.

Мария вышла в сад за ведром, которое утром оставила возле сарая. Трава под ногами осела, напитанная водой. На яблоне ещё висели два сморщенных плода — тёмные, с сероватым налётом, не упавшие даже после заморозков. Между ветвей темнел кусок чужой крыши.

Когда она нагнулась за ведром, из-за забора донеслись голоса.

— …и чего теперь? — спросил один, молодой, хрипловатый.

— Ничего, — ответил второй. — Похоронят, разъедутся.

— А сестра?

Наступила пауза.

— Сестра не местная.

Мария выпрямилась. Голоса звучали с дороги, за сараем, но лиц не было видно. Она не могла определить, говорили ли они о ней. В Крутом Яру наверняка хоронили и других людей, у которых были сёстры из города.

— Говорят, следователь, — произнёс первый.

— Бывший, — ответил второй.

Затем раздался короткий смешок. Шаги удалились.

Мария осталась стоять с ведром в руке.

Металлическая дужка холодила пальцы. За стеной сарая

скреблись сухие ветки малины. Где-то далеко, в низине, протянулся низкий гул — то ли грузовик шёл по мосту, то ли ветер поднялся в речных ивах.

Она подождала, пока шаги не исчезли окончательно. Потом вошла в дом и закрыла дверь на оба замка.

О том, что она работала в следствии, знали Лапшин и те, кому он или знакомые успели сказать. В деревне новости расходились быстро. Ничего необычного. Но уверенность второго человека — «похоронят, разъедутся» — засела в памяти.

В прихожей стояла коробка стирального порошка. Мария взяла её, чтобы переставить с прохода, и заметила придавленный ключами чек. Бумага оказалась длинной, плотной, с бледно-серой печатью. Дата покупки была ещё различима, как и время.

Она разгладила чек на тумбочке и включила настенную лампу.

Порошок. Хлеб. Сигареты.

Покупка состоялась незадолго до последних суток Павла. Время было напечатано мелкими цифрами, и Мария переписала его в блокнот, не пытаясь пока объяснить себе, почему брат вышел из дома после магазина и куда направился.

У продавщицы могли остаться воспоминания. Возможно, камера над кассой записала его. Возможно, ничего не осталось.

Мария вложила чек в чистый конверт, найденный в ку-

хонном ящике, и написала сверху: «Магазин».

Она не чувствовала, что возвращается на работу. Не было ни знакомого возбуждения от новой версии, ни желания поймать кого-то на лжи. Была усталость, тяжёлая, как мокрое пальто, и потребность узнать, где брат провёл последний вечер.

⁂

Павла привезли на следующее утро, когда низкое небо уже стало одинаково серым над огородами и новым кирпичным коттеджем у перекрёстка. У ворот тяжело затормозила тёмная машина; в протекторе её колёс застряли мокрые листья. Один из работников снял шапку. Другой спросил, куда заносить гроб, так буднично, будто доставил большой шкаф.

Мария указала комнату. Оттуда пришлось убрать кресло и низкий столик с картой России под прозрачной клеёнкой. Ножка кресла оставила на линолеуме светлую царапину. Мария хотела попросить быть осторожнее, но удержалась: брату теперь всё равно, цел ли пол.

Павел лежал в голубой рубашке, застёгнутой под самое горло. Мария подошла и расстегнула верхнюю пуговицу. За работниками шуршали бахилы, кто-то искал удлинитель, Людмила Сергеевна тихо подсказывала, куда поставить венки. Мария слышала всё это отчётливо, даже слишком, а братово лицо казалось нарисованным поверх знакомых черт.

— Вот так, — сказала она, поправляя воротник. — Тебе так лучше.

Барон в сенях перестал лаять, когда гроб занесли в комнату. Он долго втягивал воздух у щели под дверью, потом улёгся и больше не встал, даже когда пришли соседи.

К полудню дом заполнился запахом мокрой шерсти, хризантем и дешёвого лака на деревянной крышке. Приходили люди, которым Павел чинил батареи, менял проводку, помогал вытаскивать машину из весенней грязи. Каждый рассказывал одну маленькую историю. Они не складывались в биографию, зато Мария узнавала в них брата: он задерживался у чужих калиток, отдавал свои выходные, приносил детям конфеты и всегда находил повод посмеяться.

Аркадий Митрошин вошёл под руку с Верой Павловной. Он перекрестился, сказал о хорошем человеке и, обернувшись к Нине, остановившейся возле дверного косяка, резко приказал:

— Подойди.

На Нине было длинное чёрное пальто. Лицо — узкое, с бесцветными губами и морщинами, расходящимися от носа к подбородку. Она смотрела на гроб, не моргая. Аркадий повторил приказ, уже тише, но от этого страшнее. Нина сделала два шага, затем прижала ладонь ко рту и вышла. Вера сдвинула брови, едва заметно прикоснулась к рукаву мужа и пошла за дочерью.

Никто не остановил церемонию. Через минуту к гробу подошёл другой сосед. Мария запомнила только влажное пятно, оставшееся от его шапки на подоконнике.

На кладбище ветер шёл с открытого поля. Его было слышно в сухих стеблях за оградой: не свист, а бесконечный шёпот, словно кто-то перелистывал толстую книгу. Глину у могилы выбросили тёмными тяжёлыми пластами; на срезе она блестела, будто намазанная маслом. В грязи стояли люди в чёрном, сером, коричневом. У женщины напротив сапоги были с ярко-розовой подошвой. Мария почему-то могла смотреть только на них.

Первый ком земли ударил по крышке глухо. Потом второй. Мария вспомнила детскую жестяную коробку, которую Павел зарыл в огороде вместе с игрушечным компасом, ржавым ключом и несколькими монетами. Они называли её кладом. Павел не нашёл её, хотя целый август перекапывал грядку. Теперь ей захотелось найти ту коробку любой ценой, хотя огорода давно не существовало.

Пока люди прощались, с края ямы вдруг донёсся тихий звук. Мария решила, что это дождь собирается на натянутом брезенте. Но дожди закончились ещё ночью. Между комьями глины, в углублении, образованном каблуком чьего-то ботинка, стояла небольшая прозрачная лужица. Её поверхность дрожала мелкой частой рябью.

Платки шевелились от ветра, берёзовые ветви гнулись в одну сторону. Вода в углублении двигалась иначе: круги шли к середине и исчезали там, будто их втягивали.

Нина, стоявшая у кладбищенской ограды, увидела лужицу тоже. Она побледнела так сильно, что тёмные веки стали

отчётливыми на коже. Мария перевела взгляд на неё. Женщина судорожно схватилась за обледеневшую железную перекладину и произнесла едва слышно:

— Не надо.

— Что? — спросила Мария.

Нина отступила. Аркадий, разговаривавший с мужчиной в меховой шапке, повернул голову на дочерин голос. Он сразу подошёл, взял её под локоть и увёл к машинам.

Мария снова посмотрела вниз. Лужицы уже не было видно: землю засыпали, и мокрая глина скрыла след от каблука.

В клубе, за поминальным столом, люди ели щи, обсуждали отопление и порядок на кладбище. Мария отвечала на соболезнования. Она ни с кем не говорила о том, что увидела. Возможно, в глине выступила грунтовая вода; возможно, она пропустила струйку из соседнего комка. Но Нина сказала «не надо», когда рядом с ней никто ничего не делал. Это Мария запомнила точнее всего.

Глава 5. Письма, которые не сожгли

Снег застрял между досками забора и за ночь схватился ледяной коркой.

На дороге от него не осталось почти ничего. Колёса редких машин раскатали серую кашу, и в колеях стояла вода с тонкими белыми кромками. Зато на северной стороне сарая, где не доставало солнце, снег сохранился целыми полосами. К нему прилипли чёрные семена лопуха и крошечные сухие листья. Мария долго разглядывала их из кухонного окна, пока остывал чай.

Утро медленно наполняло Павлов дом. Сосновые панели на стенах при дневном свете становились почти медовыми, но углы оставались холодными, сизыми. На столе белел конверт, в который она вчера убрала магазинный чек. Возле конверта лежали телефон и блокнот. Всё остальное — хлебница, солонка, чашка с отколотой ручкой — принадлежало обычному утру человека, которого больше не было.

Барон лежал под дверью в сени. За ночь он дважды вставал, ходил к калитке и возвращался на половик. Теперь спал, подрагивая во сне тяжёлой задней лапой. В складках вокруг его пасти забилась седая шерсть, а на правом боку, ближе к хвосту, виднелась проплешина размером с ладонь.

Мария поставила перед собой чай. На столешнице под прозрачной клеёнкой проступала карта России: коричневые

горы, зелёные равнины, тонкие синие реки. Красными кружками Павел отмечал города, в которых собирался побывать. Она переставила чашку с Байкала на пустое место возле края. Даже теперь ей не хотелось ставить на его мечту горячее.

На расправленном чеке важна была каждая строка. Название магазина. День. Время. Стиральный порошок, хлеб, сигареты. Мария ещё раз переписала цифры, хотя прекрасно их помнила. Когда-то она научилась делать записи сразу, не доверяя памяти там, где можно сохранить факт на бумаге.

Никакого преступления чек не доказывал. Человек сходил за покупками и вернулся домой. Но Павел вернулся: порошок стоял в прихожей, хлеб лежал в шкафу. А значит, между магазином и рекой был ещё кусок его жизни, о котором никто не рассказывал.

Она допила чай, вымыла чашку и собралась идти.

Перед выходом заглянула в спальню. На спинке кресла всё ещё висела голубая рубашка, приготовленная для похорон. Свет от окна падал на тонкую хлопчатобумажную ткань, делая видимыми мелкие складки возле воротника. Мария разгладила одну из них двумя пальцами. Ничего не изменилось. Вещь оставалась рубашкой, просто рубашкой, которую уже не наденут на живого человека.

— Я скоро, — сказала она Барону.

Пёс открыл мутноватый глаз.

— Дом сторожи.

Она сама удивилась, что попросила его об этом.

⁂

Продуктовый магазин стоял на площади между аптекой и невысоким кирпичным зданием с вывеской «Хозяйственные товары». Фасад обшили светлым металлическим сайдингом, который у самого цоколя уже пошёл рыжими потёками. Стеклянную входную дверь заклеили рекламой молока, хлеба и шоколадных батончиков. Над ступеньками горела белая лампа, хотя было почти одиннадцать утра.

У входа стояли два пластиковых ящика с яблоками. Яблоки были мелкие, жёлто-зелёные, с коричневыми пятнами у плодоножек. Рядом в оцинкованном ведре мокли старые веники. На кафельном полу тамбура лежал резиновый коврик с набившейся в соты глиной.

Внутри пахло свежим хлебом, сухим картоном и кофе из автомата. Холодильные витрины гудели с разной силой; один мотор время от времени начинал дребезжать, и продавщица, не отрываясь от дел, толкала его носком ботинка.

За кассой сидела женщина лет сорока пяти, плотная, с короткими светло-русыми волосами и выщипанными бровями. На ней была бордовая флисовая кофта и чёрный фартук с вышитым названием магазина. Кожа на руках покраснела, особенно вокруг ногтей. На левом запястье поблёскивал тонкий браслет с маленькой золотистой рыбкой.

Женщина подняла глаза.

— Здравствуйте. Вам помочь?

— Здравствуйте. Вы здесь работали в тот день, когда Павел Тихонов покупал порошок?

Продавщица перестала перекладывать пачки жевательной резинки.

— А вы кто будете?

— Сестра. Мария.

— Господи, — выдохнула женщина. — Соболезную вам.

Она отодвинула коробку, вышла из-за кассы и сняла со стула клетчатую тряпку, словно вдруг обнаружила, что при посетительнице нужно навести порядок.

— Я Светлана. Пашку вашего с детства знала. Он мне витрину чинил, когда дверь перекосило. Денег ни копейки не взял.

Мария кивнула.

— Можно несколько вопросов?

Светлана посмотрела на дверь. За стеклом по площади прошёл мужчина с мешком комбикорма на плече.

— Можно. Только я одна до обеда. Если покупатели придут, извините.

Мария развернула чек на прилавке датой и временем к продавщице.

Светлана наклонилась. Лицо её собралось в складки сосредоточенности, кончик носа почти коснулся бумаги.

— Да, наш чек.

— Павел сам покупал?

— Сам. Он почти всегда сам и приходил. А чего?

— Вы помните именно этот раз?

Светлана взяла чек за угол, потом положила обратно.

— Помню порошок. Он ещё ворчал, что всё стало дорогое. Сказал: «Светка, скоро будем рубашки в речке песком стирать». И смеялся.

От братова «Светка» больно потеплело в груди. Брат действительно так разговаривал.

— Он был один?

— Вроде да. Подождите… — Продавщица прикрыла глаза. — Перед ним ещё женщина расплачивалась, брала печенье и молоко. А после него тракторист зашёл, Виктор. Нет, Виктор был раньше. Господи, дни все одинаковые.

— Не торопитесь. Важно только то, в чём вы уверены.

Светлана посмотрела на неё внимательнее.

— Вы, говорят, следователь бывший.

— Да.

— А-а.

В её голосе появилось неловкое уважение. Она отступила. Мария пожалела, что не представилась просто родственницей, но прятать прошлую работу в деревне было уже поздно.

— Павел был трезвым? — спросила она.

Светлана нахмурилась.

— Конечно.

— Почему вы так считаете?

— Да потому что разговаривал нормально. Деньги отсчитал, шутил. Ни запаха, ни шатания. Я бы заметила, здесь вся-

кое бывает. Он вообще редко выпивал.

Звякнул колокольчик над дверью. В магазин вошёл мальчик в синей шапке, попросил две булочки и сок. Светлана отвернулась к кассе. Мария отошла к стеллажу с крупами и стала рассматривать пакеты, на которых яркие цветные фотографии обещали рассыпчатую кашу. В стекле холодильника она видела своё отражение: тёмное пальто, собранные волосы, бледное лицо. Мальчик расплатился мелочью и ушёл, оставив на полу узкие мокрые следы.

— А он после магазина куда пошёл? — спросила Мария, когда снова стало тихо.

Светлана задумалась.

— Вышел на площадь. Я через стекло видела, как он пакет перекладывал. А потом… старик его окликнул.

— Какой старик?

Продавщица закусила губу.

— Аркадий Степанович, кажется.

Мария не пошевелилась.

— Митрошин?

— Он самый.

— Вы видели, как они разговаривали?

— Не слышала. Дверь закрыта. Аркадий сидел на лавке под липой, а Паша подошёл. Потом оба встали и куда-то пошли.

— В какую сторону?

Светлана посмотрела на окно, словно снова могла увидеть

ту площадь.

— К старому двору. Где ферма раньше была. Там теперь одни кирпичные стены. Может, к Митрошину и пошли, хотя ему в другую сторону. Я не следила.

Ладони Марии похолодели. Несколько дней она слышала от Аркадия, что брат «сам себе беду нашёл», что он «много расспрашивал», что «старое лучше оставить». И ни разу старик не сказал, что видел Павла после магазина.

— Вы уверены, что это был Аркадий Степанович?

— Ну конечно. Его-то не узнать? Он у нас каждое утро сидит, если погода. Тогда тоже сидел. Плечо так выставит, ноги сложит… — Светлана неловко повторила позу старика. — Вы к чему спрашиваете?

— Пытаюсь восстановить вечер брата.

Светлана кивнула, но больше не улыбалась.

— Вы только скажите, — добавила она негромко, — я что-нибудь не так сказала?

— Нет. Вы очень помогли.

— А то он ведь… Аркадий Степанович… — Она замолчала.

— Что?

— Да характер у него тяжёлый. Но человек уважаемый. Мне здесь работать.

Мария убрала чек в конверт.

— Я не буду приписывать вам того, чего вы не говорили.

Светлана поправила фартук. В уголках её губ появились

две глубокие складки.

— Запись с камеры есть? — спросила Мария.

Продавщица подняла глаза на чёрный полушар над кассой.

— Висит-то она висит. А сколько хранится — не знаю. Это к хозяину. Я его номер дам.

Мария записала телефон. Они договорились, что Светлана не будет сама искать старые записи и ничего не станет удалять; выяснить их наличие следовало у владельца и в рамках проверки. Потом Мария купила хлеб и маленький пакет собачьих лакомств, расплатилась, поблагодарила.

На выходе Светлана вдруг окликнула её:

— Мария Андреевна.

— Да?

— Паша тогда ещё сказал: «Надо успеть, пока не стемнело».

— Что успеть?

— Не знаю. Я подумала — стирку. Порошок же брал.

Светлана посмотрела на мокрый порог.

— Он сказал это весело. А сейчас вспомнила — и что-то мне не по себе.

⁂

На площади пахло выхлопными газами и мокрой листвой. Между двумя липами ветер гонял обрывок прозрачного пакета. Магазинная вывеска отражалась в луже так отчётливо, что под асфальтом будто лежала ещё одна площадь, перевёр-

нутая, с чёрными окнами и неправильным небом.

Мария дошла до лавки, на которой обычно сидел Митрошин.

Скамья была сделана из толстых досок, покрашенных густой зелёной краской. Краска облупилась на кромках, обнажив светлые волокна древесины. Под одной ножкой лежал плоский камень, чтобы лавка не качалась. С неё открывался вид на магазинную дверь, дорогу к старому фермерскому двору и спуск в нижнюю часть деревни.

Аркадия сегодня не было.

Мария постояла несколько секунд, прислушиваясь к гудению машин и отдалённому металлическому стуку. Она мысленно расположила людей на площади: Павел выходит с пакетом, замечает старика или слышит его оклик, подходит. Аркадий поднимается. Они уходят к бывшей ферме.

Дальше — пустота.

Не нужно было заполнять её догадками.

У Марии имелась только одна свидетельница, помнившая разговор без слов, и чек с временем. Но это было больше, чем вчера.

Она достала телефон и позвонила Лапшину.

— Михаил Егорович, я нашла человека, который видел Павла в день покупки, — сказала она после приветствия. — Продавщица магазина. По её словам, после покупки он разговаривал с Аркадием Митрошиным и ушёл с ним в сторону старой фермы.

Лапшин молчал.

— Вы слышите?

— Слышу. Вы сейчас где?

— На площади.

— Мария Андреевна, я вас просил не заниматься самодеятельностью.

— Я спросила продавщицу, видела ли она моего брата. Не вскрывала дверь и не допрашивала под протокол. Вы можете проверить её слова.

— Проверим.

— Я оставлю вам её контакт.

— У меня есть контакты магазина, — сухо ответил он.

Мария посмотрела на пустую лавку.

— Вы уже беседовали с Митрошиным?

— Я не могу обсуждать с вами содержание проверочных мероприятий.

— Тогда просто учтите сведения.

— Учту.

Он хотел отключиться, но Мария успела спросить:

— Михаил Егорович, вы знали, что брат интересовался историей смерти учительницы Лидии Малышевой?

На другом конце что-то щёлкнуло. Возможно, Лапшин положил ручку.

— Кто вам сказал?

— Пока я спрашиваю вас.

— Не начинайте, — устало произнёс участковый. — Сна-

чала похороните брата. Остальное никуда не денется.

— Вот это меня и беспокоит, — сказала Мария.

Лапшин больше ничего не ответил.

⁂

Ангелину Малышеву она нашла не сразу.

Дорога на Заречную улицу уходила от площади вниз, между участками, где старые избы перемежались новыми коттеджами. В одном дворе стоял белый автомобиль под чехлом; дальше, за сетчатой оградой, ржавел остов теплицы. По краю дороги тянулись глубокие канавы. В их воде лежали прозрачные ломкие льдинки, похожие на осколки оконного стекла.

Мария спросила дорогу у женщины, которая вытряхивала из окна коврик. Та показала рукой в сторону низины, добавив:

— Последний дом, зелёная калитка. Только вы не пугайтесь, если ругаться начнёт. Она такая.

— Какая?

— С характером, — сказала женщина и захлопнула окно.

Последний дом стоял чуть поодаль от остальных, между двумя старыми яблонями. Доски обшивки были когда-то выкрашены в охристо-жёлтый цвет; за десятилетия солнце и дождь выбелили их до цвета засохшего овсяного киселя. Под карнизом местами вздулась краска. Вдоль фундамента рос густой мох, а на жестяном водостоке темнели следы ржавчины.

Но дом не выглядел брошенным. На крыльце лежал чи-

стый резиновый коврик, у ступеней стояла метла с новой берёзовой ручкой, окна были вымыты. На подоконнике за стеклом виднелись горшки с геранью. Один куст цвёл ярко-красным, почти вызывающим цветом — единственным живым красным пятном среди серого сада.

Калитка была зелёная, как говорила женщина, только от первоначальной краски остались узкие полосы возле петель. Остальное дерево посерело, растрескалось, напиталось водой.

Мария постучала.

Никто не вышел.

Она подождала и повторила стук.

За оконной занавеской промелькнула тёмная фигура. Потом послышался скрежет задвижки, тихое шарканье, негромкое раздражённое бормотание.

Дверь открылась.

На крыльце стояла очень старая женщина.

Невысокая, тонкая, почти невесомая на вид, с лицом, похожим на сложенный в несколько раз лист сухой бумаги. Подбородок маленький, острый; нос прямой, когда-то, должно быть, красивый; губы узкие, но крепко очерченные. Белые волосы были коротко пострижены и тщательно причёсаны. На переносице сидели очки в старой металлической оправе, за которыми серо-голубые глаза казались больше настоящего размера.

На женщине была тёмно-коричневая шерстяная юбка,

мягкая кофта сливового цвета и домашние войлочные тапочки. Одной рукой она держалась за косяк. На пальцах выступали крупные суставы, но ногти были аккуратно подстрижены.

— Кого вам? — спросила она.

Голос оказался хриплым и удивительно твёрдым.

— Ангелина Матвеевна Малышева?

— Допустим.

— Я Мария Тихова. Сестра Павла Тихонова.

Женщина перестала придерживать дверь свободной рукой.

Несколько секунд она смотрела на Марию, не моргая. Лицо её не переменилось, только кожа у рта как будто натянулась.

— Пашкина сестра, значит.

— Да.

— Приехала всё-таки.

Мария стиснула ремень сумки.

— Мне сказали, что брат к вам приходил.

— Приходил.

— Можно поговорить?

Ангелина посмотрела на дорогу за Марииным плечом. Там никого не было, только тонкий дым из трубы соседнего дома тянулся над оголёнными кустами малины.

— Заходи, — сказала старуха. — Не стой на холоде. В дом всё равно ничего хорошего с улицы не принесёшь.

⁂

В прихожей пахло печным теплом, сушёными яблоками и шерстью. Возле двери стояли высокие валенки, обшитые по голенищу чёрной кожей, рядом — мужские ботинки, давно не носимые, но тщательно начищенные. На гвозде висела синяя хозяйственная сумка. Под потолком тянулась верёвка, на которой сохли носки, связанные из грубой серой пряжи.

Мария разулась. Под половицей у двери негромко хрустнуло. Ангелина услышала, посмотрела вниз и сказала:

— Сколько лет собираюсь её прибить. Паша обещал. Не успел.

Она произнесла это без вздоха, почти буднично, но после последних слов замолчала и несколько раз моргнула.

— Я могу посмотреть потом, — сказала Мария.

— Ты к доскам-то имеешь отношение?

— Не особенно.

— Тогда не надо. Пошли.

В комнате было тепло и немного душно. Одна стена почти целиком занята старым полированным сервантом с фигурными стёклами. За стеклом стояли фарфоровые чашки, тонкие рюмки, хрустальная сахарница, несколько маленьких слоников из серого камня. Сервант потемнел, лак на углах растрескался мелкой сеткой. На противоположной стене висели семейные фотографии в разных рамках — деревянных, пластмассовых, одной серебристой, с потёртым орнаментом.

Возле окна стоял стол под зелёной тканевой скатертью. На

нём возвышались стопки писем, старые тетради, перевязанные тесьмой, увеличительное стекло в чёрной оправе и большая настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром. В дневном свете абажур казался почти чёрным, только по краю просвечивала бутылочная зелень.

В углу на тяжёлых часах с маятником было без пяти двенадцать. Маятник ходил с неровным, но настойчивым стуком.

— Садись, — велела Ангелина.

Мария опустилась на стул с высоким резным спинкой. Ткань на сиденье была коричневая, в мелких жёлтых ромбах, протёртая у переднего края.

Старуха устроилась напротив, поправила юбку поверх колен и сложила ладони.

— Ну?

— Я хотела узнать, о чём Павел с вами разговаривал.

— А почему у меня спрашиваешь?

— Мне сказали, что он часто приходил.

— Кто сказал?

— Соседи.

— Соседи, — повторила Ангелина, будто пробуя слово на вкус. — В Крутом Яру соседи всегда знают, к кому человек ходил. А зачем ходил — никогда.

Мария посмотрела на стопки бумаги.

— Вы знакомы были давно?

— По-настоящему — последние годы. До того Пашку зна-

ла, конечно. Он мне крышу один раз чинил. Потом кран. А совсем разговорились, когда бумаги с чердака спустил.

— Какие бумаги?

— Мои.

— Об этом я уже догадалась.

Старуха неожиданно прищурилась. Морщинки у её глаз собрались густыми лучами.

— С характером ты. В Зою пошла.

Мария почувствовала холод под рёбрами.

— Вы знали мою мать?

Ангелина посмотрела на неё поверх очков.

— А куда ж мне было от неё деться.

— Что это значит?

— Значит, знала.

— Хорошо?

— Достаточно.

Мария невольно отвела глаза к фотографиям. Её раздражала эта деревенская манера отвечать так, чтобы каждое слово превращалось в следующую загадку. Но старуха уже восемьдесят шесть лет прожила на свете и, вероятно, никого не собиралась успокаивать.

— Я не знаю, что здесь произошло, — сказала Мария. — У меня умер брат. Мне говорят, что он был пьян и утонул. Но никто не может объяснить, кто видел его в тот вечер и почему он оказался у воды. Я нашла чек, поговорила с продавщицей. Она видела Павла с Аркадием Митрошиным. А

он мне ни словом об этом не сказал.

Ангелина медленно убрала руки с подлокотников.

— Аркаша, значит.

Она произнесла имя без удивления. Скорее с усталостью, в которой уже не осталось сил для ненависти.

— Вы знаете, что брат у него спрашивал?

— Спрашивал.

— О чём?

Старуха сняла очки, положила на скатерть и протёрла переносицу указательным пальцем. Без очков глаза у неё казались маленькими, но взгляд стал ещё острее.

— Сначала ты мне скажи, чего хочешь. Чтобы я тебе объяснила, от чего умер Паша? Я не знаю. Чтобы рассказала, что он у меня читал? Это могу. А чтобы назвала человека, который его убил, — не смогу. Я даже про свою сестру до сих пор не могу.

Мария выпрямилась.

— Про какую сестру?

Ангелина посмотрела на семейные фотографии.

— Про Лиду.

⁂

Август 1973 года стоял сухой и душный.

Лидия Малышева возвращалась из школы по дороге, на которой пыль была такой мелкой, что набивалась в ремешки босоножек и садилась жёлтым налётом на щиколотки. Из школьных окон доносился стук молотка: завхоз приколачи-

вал новые рейки к стенду. У колодца две женщины ругались из-за ведра. В стороне, за огородами, гремел трактор, поднимая густые хлопья пыли.

Лидия шла быстро, размахивая полотняной сумкой. Внутри лежали тетради, яблоко и письмо Ангелине. Она ещё не запечатала конверт, потому что хотела дописать о Нине Митрошиной. Девочка принесла рисунок синей лисы, и Лидия повесила его на самом видном месте: не потому, что лиса была красива, — лапы вышли кривые, хвост слишком длинный, — а потому, что Нина впервые не переделала работу после чужого замечания.

У калитки стоял Александр Митрошин. Молодой, нескладный, в замасленной рубашке, он придерживал старый велосипед, на багажнике которого была привязана жестяная канистра.

— Лидия Матвеевна, — сказал он, сдвигая кепку. — Вы уж с братом не спорьте. Он ведь упёртый.

— А мне что, соглашаться, если он неправ?

Александр опустил голову. Возле его большого пальца чернела въевшаяся машинная смазка.

— Я просто сказал.

Лидия хотела ответить резче. Но вспомнила, как он однажды принёс в школу несколько досок для новых полок и отказался от денег, и только пожала плечами.

— Передайте ему: я не собираюсь молчать про то, что видела.

Александр едва заметно вздрогнул.

— Не передам, — сказал он.

Лидия удивилась. Александр поднял на неё глаза — серые, растерянные, почти мальчишеские.

— Не передам, — повторил он. — И вам не советую туда ходить, куда будут звать.

Он сел на велосипед и поехал, тяжело нажимая педали. Лидия долго смотрела вслед. Потом разозлилась: на деревенские намёки, на молчаливые предостережения, на то, как взрослые люди здесь боялись произнести простую мысль полностью.

Она поправила сумку и пошла домой. За спиной по-прежнему стучал школьный молоток. Александр возился с ним до темноты.

На самой старой фотографии были шестеро.

Мужчина сидел в кресле с высокой деревянной спинкой. У него было худое, продолговатое лицо, густые волосы, зачёсанные назад, и добрые, почти насмешливые глаза. На коленях лежал сложенный плед. За креслом стояла женщина средних лет в светлой блузке, с тяжёлой косой, уложенной вокруг головы. Рядом с ними теснились четверо молодых людей: две девушки и двое юношей.

Самая младшая девушка держала руку на плече отца и смеялась. Фотограф поймал её не в ту секунду, когда люди стараются выглядеть достойно, а за мгновение до того, как она, очевидно, сказала какую-то глупость. Глаза сузились,

голова чуть отклонилась назад, из причёски выбилась прядь.

Мария подошла ближе.

Фотография была выцветшая, с мягким коричневым оттенком. На стекле возле края скопилась мелкая пыль, не замеченная при уборке. Девушка в светлой кофте выглядела так, будто сейчас повернётся и продолжит смеяться.

— Это Лида, — сказала Ангелина за спиной.

— Она младшая?

— Самая. Вот я, это Виктор, рядом Коля. Мать наша, Софья Ильинична. А отец Матвей.

— Он сидел в кресле из-за болезни?

— Из-за спины. Повредил её ещё молодым. Потом ноги совсем отнялись. А голова у него, поверь, лучше любого профессора работала. Он нам задачки придумывал, книжки вслух читал, рассказы сочинял. Весь дом к нему ходил советоваться.

Мария ещё раз посмотрела на мужчину. Он держал руки на пледе свободно, словно кресло было просто местом, которое он выбрал для фотографии, а не границей доступного мира.

— Лида учительницей стала из-за матери?

— Отчасти. Она с малых лет воображала себя учительницей. Посадит нас на завалинке и указывает, кому отвечать. А мы все старше, и всё равно слушались. — На лице Ангелины появилась улыбка. — Упрямая была. И смешливая. Могла обидеть словом, а потом полночи мучиться и утром идти

мириться.

Старуха подошла к фотографии. Её тапочки почти не издавали звука на вытертом ковре.

— Любили её все. Она же последняя. Мать говорила: из четырёх детей только Лидка родилась с уверенностью, что её непременно кто-нибудь поймает, если она упадёт.

Мария посмотрела на смеющуюся девушку.

— А поймали?

Ангелина ничего не ответила.

В комнате слышался только маятник. В стекле серванта дрожал прямоугольник окна; за ним ветер медленно раскачивал голую ветвь яблони.

Старуха отошла к столу.

— Чай будешь?

— Буду, — сказала Мария.

На этот раз она не стала отказываться. Ангелине явно требовалось время.

⁂

Чай был крепкий, почти красный, в старых фарфоровых чашках с кобальтовыми цветами. На блюдце лежали два тонких ломтика лимона. Ангелина поставила на стол вазочку с сухарями и мёд в небольшой банке, у которой крышка была тщательно вытерта от липких следов.

Пока старуха хлопотала, Мария изучала комнату. На спинке второго кресла висел мужской серый кардиган. На деревянном подлокотнике отполировалось светлое пятно там,

где годами лежала ладонь. Под креслом стояли тапочки большого размера, поставленные носками к выходу. Дом хранил не только память о сестре, но и чьё-то недавнее отсутствие.

— Мужа похоронила восемь лет назад, — сказала Ангелина, заметив её взгляд. — Кардиган не убираю. Зачем? Места не просит.

Мария кивнула.

— Он тоже сюда приехал из-за Лидии?

— Из-за меня. Лиде уже помочь нельзя было, а мне, как он думал, можно.

Ангелина опустилась в кресло. Взяла чашку обеими руками, долго грела о неё пальцы.

— Я переехала через несколько месяцев после похорон. Муж сначала говорил: поживём год, найдём людей, выясним. Потом год прошёл. Следом другой. Мы здесь дом сняли, потом выкупили. Он работу нашёл, я тоже. Детей своих растили. Всё как у людей.

— А вы всё продолжали спрашивать?

— Продолжала. Иногда чаще, иногда переставала. У человека, знаешь ли, есть стирка, болезни, свадьбы, счета. Даже ненависть на целый день не растянешь. Устанешь.

Сухие пальцы крепко держали чашку. Чашка не дрожала.

— Как погибла Лидия?

— Девятого августа семьдесят третьего. Нашли в реке. Сказали — пошла купаться поздно, поскользнулась, попала в глубокое место.

— Тело обнаружили быстро?

— На следующий день. Так нам сообщили. Документы я тебе покажу, когда решу, что надо.

— Почему вы не верите в несчастный случай?

Ангелина посмотрела на Марию неожиданно резко.

— Потому что знала Лиду. Потому что письма её читала. Потому что она боялась не реки, а нескольких людей здесь. Потому что после её смерти эти люди вдруг начали говорить одинаковыми словами.

Она поставила чашку, не допив.

— Но это тебе ничего не доказывает, я знаю. Ты из следователей. Тебе нужен протокол. Свидетель, который не меняет показаний. Следы, которые не смыло водой полвека назад.

— Мне нужна правда, — сказала Мария.

— Правда, — повторила Ангелина. — Здесь все любят это слово, пока им его не задают как вопрос.

Старуха откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза.

— Паша приходил ко мне и не говорил, что верит сразу. Читал, спрашивал, спорил. Иногда смешил меня до слёз. А последние недели совсем перестал смеяться. Нет, внешне шутил, конечно. Только руки у него выдавали. Всё крутил зажигалку, пока она не начинала щёлкать.

Мария вспомнила братовы пальцы — большие, с исколотой кожей. Представила, как он сидит за этим зелёным столом и читает письма женщины, умершей до его рождения.

— Он нашёл что-то определённое?

— Возможно. Он сопоставлял даты, ходил к старикам, спрашивал. Один раз принёс тетрадь. Сказал, что хочет всё разложить, чтобы никого зря не обвинить.

— Где эта тетрадь?

— Не знаю. Унёс.

Мария представила братов дом, комод с документами, ящики, старые книги. Она ещё не осмотрела и половины.

— А что он говорил о моей матери?

Ангелина замерла.

Её лицо стало совершенно неподвижным. Только возле левого глаза дёрнулась тонкая складка кожи.

— Зоя, — сказала старуха.

— Да.

— Ты её любила?

Мария почувствовала раздражение.

— Конечно.

— Она любила вас?

— Да. Зачем вы спрашиваете?

Ангелина долго смотрела на неё. Потом отвела взгляд к фотографии Лидии.

— Потому что когда Паша впервые сказал мне, чьи вы дети, я захотела выгнать его из дома.

Мария положила ладонь на стол. Поверхность скатерти была грубая, с выпуклыми зелёными нитями.

— Что сделала моя мать?

— Не знаю, что сделала, — ответила Ангелина. — Знаю,

что она могла сказать больше, чем сказала.

— О смерти Лидии?

— Да.

— Вы с ней говорили?

— Не один раз. И не два.

— Что она отвечала?

Старуха сняла очки, снова протёрла переносицу. Без них взгляд её показался почти беззащитным, но голос остался жёстким.

— Что очень сожалеет. Что ничего толком не видела. Что помочь мне не может.

Мария смотрела на неё. Её мать никогда не отказывала человеку в помощи, если могла её оказать. Даже после ночных дежурств принимала соседей, измеряла давление, советовала, куда обратиться. Эта мать никак не соединялась с женщиной, от которой пятьдесят лет назад ждали ответа о чужой смерти.

— Вы считаете, она лгала?

— Считаю, боялась.

— Чего?

Ангелина медленно подняла на неё глаза.

— Этого я тоже хотела у неё спросить. Не успела.

— Мать умерла в две тысячи двенадцатом.

— Помню.

— Павел говорил вам, что узнал?

— Не всё. И правильно делал. Ты думаешь, старость де-

лает человека надёжным? Старость делает его медленным. Это другое.

Мария впервые за разговор невольно улыбнулась.

Ангелина заметила это и тоже чуть приподняла уголок рта. На секунду её лицо стало похожим на лицо молодой женщины с семейной фотографии — не чертами, а выражением.

⁂

Письма хранились в двух обувных коробках и старом деревянном ящике от инструментов.

Ангелина достала первую коробку из нижней части серванта. На крышке была выцветшая фотография женских туфель. Коробку обвязали широкой хлопчатобумажной лентой. Узел затянулся так крепко, что старуха долго не могла развязать его и, наконец, с раздражением протянула Марии.

— Ты молодая, разбирай.

Мария не стала замечать, что ей сорок четыре. Она распутала ленту и осторожно сняла крышку.

Внутри лежали конверты, сложенные по размеру, пожелтевшие по краям. Бумага пахла пылью, старым клеем и чем-то сухим, сладковатым. На некоторых конвертах ещё различались штемпели. Чернила выцвели до коричневого цвета. Почерк был то узкий, почти ученический, то размашистый, с крупными петлями.

— Это всё Лидины? — спросила Мария.

— Нет. Здесь и мои, и братьев. А вот эта стопка — её. Она нам всем писала. Матери длинно, мне короче, братьям вооб-

ще по делу. Отец любил, когда она описывала детей. Просил рассказывать, какие у них лица, какие ошибки делают, над чем смеются.

Ангелина выбрала письмо в конверте с расползшимся краем.

— Смотри.

На листе в клеточку синей ручкой было написано: «Ангелинка!» — с восклицательным знаком, похожим на маленький гвоздь. Дальше шли неровные быстрые строки. Мария прочитала несколько предложений о школьной печке, которая дымила во время урока, о первокласснике, принёсшем в класс жабу, и о хозяйке комнаты, отказывавшейся топить по утрам.

— Она смешная была, — сказала Ангелина. — Даже когда жаловалась.

Мария перелистнула лист. На обороте Лидия описывала девочку, которая нарисовала синюю лисицу: «Я спросила, почему синяя, а она ответила, что такой лисице проще спрятаться в вечернем снегу. Представляешь? Восемь лет человеку».

— Имя девочки есть?

— В другом письме. Нина.

Мария подняла голову.

— Нина Митрошина?

— Она самая.

У Марии перед глазами возникла пожилая женщина с тон-

кими пальцами, стоявшая у Павлова дома в слишком лёгком пальто. Нина приходила по поручению родителей, говорила негромко и почти не смотрела в лицо.

— Они были близки?

— Лида её любила. Девчонка робкая, дома ей, похоже, рот открыть не давали. А Лида слушала. Иногда даже слишком: дети, когда их впервые слушают, начинают говорить всё подряд.

Мария провела пальцем по краю листа, не касаясь чернил.

— Вы разрешите мне сделать фотографии?

Ангелина помедлила.

— Не всех. Что покажу — снимай. Что не покажу — не трогай.

— Договорились.

Мария сфотографировала письмо на кухонном столе при дневном свете. Экран телефона на миг сделал старую бумагу ярко-белой, неестественно молодой. Она проверила, читаются ли строки, и убрала телефон.

— В какой момент Лидия начала бояться? — спросила она.

Ангелина вернула письмо в конверт.

— Сначала ей здесь нравилось. Писала про детей, про лес, про реку. А весной семьдесят третьего стала раздражительной. В письмах появились какие-то взрослые неприятности. Сначала мелкие. Потом серьёзнее.

Она вытащила другой конверт, более плотный, с зелёным

пятном на сгибе.

— Вот это июльское. Прочти, только вслух.

Мария развернула лист. Почерк стал резче, наклон сильнее. Между строками виднелись следы нажима — перо шариковой ручки иногда прорывало бумагу.

— «Ангелинка, ты только не ругайся, но я, кажется, здесь кое-кому очень не нравлюсь», — начала она.

Ангелина не двигалась. Сидела с закрытыми глазами, положив ладони на колени.

Мария продолжила. Лидия писала, что некоторые разговоры в учительской стали обрываться при её появлении, что один человек посоветовал ей не путать «помощь людям» с «любовью вмешиваться», что она собирается съездить в район и поговорить с теми, кто не связан деревенскими знакомствами. Подробностей не было. Дальше опять появлялись школьные дела: краска для парт, дети, которым не хватало тетрадей, и список книг, которые Лидия надеялась получить осенью.

Мария опустила лист.

— Что она хотела сообщить в район?

— Вот этого-то мне никто и не сказал, — ответила Ангелина.

— Павел выяснил?

— Он думал, что выяснил часть. Про ветеринара, про лекарства, про деньги. Но это только одна дорожка. У Лиды были и другие причины ссориться с людьми. Она не умела

проходить мимо, когда били слабого или обманывали того, кто не мог за себя ответить.

— Ветеринара звали Семён Грачёв?

Ангелина открыла глаза. Посмотрела на Марию с явным удивлением.

— Откуда имя?

— Брат иногда упоминал его по телефону. Я не придавала значения.

Мария осеклась. Имя ветеринара она могла вспомнить из чужого рассказа и теперь выдавала его за собственное воспоминание. Она поправилась:

— Возможно, я ошибаюсь. Давайте проверим по записям.

Ангелина кивнула, будто эта осторожность ей понравилась.

— Грачёв. Семён Петрович. До сих пор жив, если ты об этом. Меня постарше, а умирать не собирается. Или боится.

Последние слова прозвучали так сухо, что Мария не поняла, шутит старуха или говорит всерьёз.

— Что он сделал?

— Об этом надо спрашивать его. Паша спрашивал.

— И что услышал?

— Сказал, что человек, умеющий смотреть в глаза корове перед забоем, не обязательно умеет смотреть в глаза человеку, когда тот задаёт неудобный вопрос.

Мария впервые заметила, что Ангелина не назвала ветеринара убийцей. Не называла она убийцей и Аркадия, хотя

произносила его имя с отвращением. Её осторожность могла быть опытом человека, много раз ошибавшегося. А могла — страхом ошибиться хотя бы ещё однажды.

За окнами стало темнее. По стеклу потекла узкая капля, оставляя извилистый след на холодной поверхности. Где-то под подоконником заскреблась мышь или сухая ветка. Ангелина поднялась, пошла на кухню долить кипяток. Мария осталась возле семейных фотографий.

Лидия смотрела с них разной.

На одной была подростком, с худыми коленями и непослушной чёлкой, сидела на плетёном стуле возле цветущей сирени. На другой, уже взрослой, держала в руках книгу и улыбалась одними уголками рта. На третьей стояла рядом с детьми перед сельской школой: тёмная юбка, светлая блузка, аккуратная причёска, ладони в меловой пыли.

Мария вспомнила снимок в школьном коридоре. Тогда она заметила только улыбку молодой учительницы. Теперь увидела другое: Лидия часто наклоняла голову к собеседнику, будто не хотела пропустить ни слова. Ей было интересно слушать, даже когда сама говорила слишком много.

Старуха вернулась с чайником, поставила его на подставку из скрученной соломы.

— Всё смотришь?

— На фотографиях она живая, — сказала Мария и сразу поняла, как глупо это прозвучало.

Ангелина не обиделась.

— Для меня тоже. На некоторых особенно. — Она подошла и указала на фотографию, где Лидия стояла возле сирени. — Здесь она перед отъездом в училище всю ночь не спала. Боялась, что примут не туда, куда хотела. А утром сказала, что ей всё равно. Видишь глаза? Совсем заплаканные. А улыбается.

Мария пригляделась. У младшей сестры действительно были припухшие веки.

— В школе снимок семьдесят второго года висит, — сказала она.

Ангелина повернулась.

— Какой?

— Педагогический коллектив. Лидия стоит сбоку.

Старуха медленно опустилась в кресло.

— Повесили всё-таки.

— Раньше его не было?

— Был. Потом убрали. Потом, говорят, нашли снова. Здесь вещи любят исчезать и возвращаться, когда уже никто не помнит, куда их положили.

Мария посмотрела на неё.

— Вы сейчас о фотографии?

— О фотографии, Мария. Не ищи за каждым словом тайну. Ты от этого с ума сойдёшь.

Она сказала это так строго, что Мария впервые позволила себе рассмеяться. Коротко, почти беззвучно. Ангелина тоже улыбнулась.

Смех затих быстро.

— Когда можно будет посмотреть остальные письма? — спросила Мария.

— Когда Пашу похоронишь. Потом приходи, сядем и будем читать. Глаза у меня теперь не те. Его я просила разбирать, теперь, видать, тебя придётся.

Мария кивнула.

— Вы ведь знали, что я приеду?

Ангелина несколько секунд молчала.

— Надеялась. Когда Паша перестал приходить, я каждый день прислушивалась, не хлопнет ли калитка. Потом узнала, что его нашли. Думала: всё, опять одна останусь с бумагами.

— Почему не позвонили мне?

— А номер откуда? И что я бы сказала? «Здравствуйте, ваша мать пятьдесят лет назад не рассказала мне правду, а теперь, кажется, и ваш брат погиб не просто так»? Ты бы приехала ко мне?

Мария не нашла ответа.

Старуха осторожно закрыла коробку с письмами. Лента легла поверх крышки кривым крестом.

— Ещё одну вещь скажу, — произнесла она. — Только не требуй доказательств немедленно. Паша однажды спросил, верю ли я, что Лида может приходить к живым.

Мария подняла глаза.

— Он имел в виду сны?

— Я тоже так подумала. Спросила. Он сказал: «Нет, Ан-

гелина Матвеевна. Я имею в виду — приходить».

В комнате негромко щёлкнуло дерево в горячей печной стенке.

— И что вы ответили?

— Что если бы она пришла ко мне, я сначала обняла бы её. А потом спросила, где была все эти годы.

Ангелина попыталась улыбнуться, но губы задрожали. Она отвернулась к окну.

Мария не стала расспрашивать дальше. Усталость старухи наконец стала заметна: плечи опустились, пальцы начали беспокойно перебирать край юбки, а под глазами проступили синеватые полукружья.

— Я пойду, — сказала Мария. — Спасибо, что показали письма.

— Ты не благодари. Лучше найди Пашину тетрадь.

— Попробую.

— И осторожнее с Аркадием.

— Почему?

Ангелина посмотрела на неё очень старым взглядом — не мутным, а таким, в котором накопилось слишком много лет.

— Он не любит, когда люди знают то, что ему положено решать самому.

В Павловом доме к вечеру стало холоднее. От реки потянуло сыростью, и по оконным стёклам выступили мелкие капли. Мария включила лампу над столом. Свет лёг на карту России тёплым прямоугольником; за его границей шкафы и

дверь в сени постепенно исчезали в серой темноте.

Барон встретил её у порога, обнюхал пакет и сразу нашёл лакомства. Мария достала одно, дала псу, потом насыпала обычный корм. Он ел медленно, похрустывая, иногда останавливался и смотрел в прихожую.

— Ешь, — сказала Мария. — Не заставляй меня ещё и за тебя переживать.

Она сняла пальто и села за стол.

Блокнот открылся на странице «Последние сутки».

Мария добавила новые строки:

«Магазин. Светлана. Павел трезв, разговаривает обычно. После покупки встречает Аркадия. Уходят в сторону старой фермы. Проверить возможность записи с камеры».

Ниже:

«Ангелина Матвеевна Малышева. Письма Лидии. Июль 1973: конфликты, намерение обратиться в район. Павел помогал разбирать бумаги. Искать тетрадь».

Ещё ниже:

«Зоя Тихонова. Ангелина считает, что мать знала больше, чем говорила. Фактов пока нет».

Мария посмотрела на эту строчку дольше, чем на остальные.

Когда мать умерла, Павел не плакал на людях. На похоронах он ходил молчаливый, помогал отцу, договаривался с водителями, переносил стулья. А вечером Мария нашла его в гараже. Он сидел на перевёрнутом ведре, держал в руках

старую Зоину кружку и смотрел в стену. На щеке у него была грязная полоска от ладони.

— Паш, — сказала она тогда.

Он поднял голову, попытался улыбнуться.

— Машк, ну чего ты.

И заплакал.

Теперь Мария не знала, что он чувствовал, когда узнал о матери что-то, не укладывавшееся в память о ней. Может быть, не поверил. Может быть, защищал. Может быть, именно поэтому стал расспрашивать ещё настойчивее.

Она встала и прошла в спальню.

На полках стояли коробки с документами, старые папки, журналы по ремонту, несколько книг о путешествиях. Мария открыла верхний ящик комода, затем второй. Ничего, что напоминало бы тетрадь с записями об Ангелине.

В большом книжном шкафу между атласом автомобильных дорог и книгой о Байкале торчал тонкий серый блокнот. Мария вытащила его. На обложке были масляные отпечатки пальцев. Внутри — размеры труб, номера деталей, список инструментов, чьи-то телефоны. На последней странице Павел нарисовал смешную собачью морду и подписал «Барон — начальник участка».

Мария улыбнулась и поставила блокнот обратно.

Она продолжила искать, пока не стемнело окончательно. Нужной тетради не оказалось. Зато в верхней части шкафа нашлась фотография, которой она раньше не видела: мать

Зоя молодая, в светлом платье, стоит возле сельского клуба рядом с группой девушек. На обороте фиолетовыми чернилами была написана дата: «Лето 1973».

Мария поднесла снимок к лампе.

Зое был двадцать с небольшим. Волосы собраны в высокую причёску, губы чуть поджаты, на переносице видна тень от солнца. Она смотрела в объектив серьёзно, словно фотограф просил улыбнуться, а ей было не до этого. Остальные девушки стояли вполоборота, кто-то смеялся, кто-то поправлял воротник.

Мария не узнала никого, кроме матери.

Она положила фотографию на стол возле записей. Снимок ничего не доказывал. Зато Мария впервые увидела лицо Зои из того лета, о котором все молчали.

⁂

Около девяти постучали в дверь.

Стук был негромким, неуверенным: два коротких удара, пауза, ещё один. Барон поднялся с коврика, подошёл к двери, но не залаял.

Мария выглянула в окно. На крыльце стояла женщина в тёмном пальто и чёрном платке, промокшем по краям. Свет уличного фонаря освещал её худое лицо сверху, выделяя длинный нос и глубокие тени под глазами.

Нина Митрошина.

Мария открыла.

— Добрый вечер.

Нина вздрогнула, будто не ожидала, что дверь распахнётся так быстро.

— Здравствуйте. Я… простите, поздно.

— Что-то случилось?

— Нет. Я хотела… — Нина посмотрела на свои руки. В них она держала маленький бумажный пакет. — Мама велела передать. Пирожки.

Мария вспомнила Аркадия и его привычку распоряжаться людьми, даже когда они не были рядом.

— Спасибо. Передайте ей благодарность.

Нина протянула пакет. Изнутри пахло печёным тестом и яблоками. Пальцы женщины были красные, потрескавшиеся на костяшках. На безымянном пальце сидело узкое кольцо с крошечным зелёным камнем.

Она не уходила.

Барон подошёл к её ногам. Нина осторожно погладила собаку по голове, не поднимая глаз.

— Паша его любил, — сказала она.

— Да.

— Он всегда ему покупал… такие косточки, — Нина показала пальцами размер. — Говорил, зубы у старика уже не те.

Мария посмотрела на неё внимательнее.

— Вы часто виделись с братом?

Нина замерла. Рука остановилась над собачьей спиной.

— Иногда.

— А недавно?

Женщина медленно выпрямилась.

— Нет. Не помню.

— В последние дни перед смертью?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Слишком быстро для человека, который только что сказал «не помню».

Мария не изменила выражения лица.

— Вы хорошо себя чувствуете, Нина Аркадьевна?

Женщина посмотрела на неё. Глаза были светлые, с едва заметной зеленцой; в глубине стояли усталость и плохо скрытое напряжение.

— Почему спрашиваете?

— Вы очень бледная. И замёрзли.

— Нет, всё хорошо.

Нина оглянулась на улицу, будто прислушивалась, не идут ли там шаги.

— Мне домой надо. Папа ждёт.

— Конечно.

Она спустилась на ступеньку и вдруг остановилась.

— Мария Андреевна.

— Да?

— Паша… — Нина сглотнула. — Он ведь хороший был человек.

— Был.

— Я знаю.

Мария ждала продолжения.

Нина подняла на неё глаза, открыла рот. Нина открыла рот, глотнула воздух и снова сомкнула губы.

— Вы его не оставляйте, — сказала она наконец.

Мария почувствовала, как холодный воздух неприятно коснулся груди под домашней кофтой.

— В каком смысле?

— Ну… память. Не оставляйте.

Нина отступила в темноту.

— Спокойной ночи.

— Нина Аркадьевна, — окликнула Мария.

Женщина остановилась у калитки.

— Если вы что-то вспомните о последних днях брата, приходите. В любое время.

Нина долго смотрела на неё из-под мокрого платка.

Потом кивнула.

— Хорошо.

По лицу Нины было видно: прийти она вряд ли решится.

После ухода Нины Мария долго стояла возле окна. На стекле отражались лампа и собственное лицо, а за ними — деревянный забор, упирающийся в темноту. Блокнот остался закрытым. Вместо этого отыскала среди бумаг братову фотографию у старых мостков и положила рядом с письмом Лидии. Утром она пойдёт туда сама.

Глава 6. За старой фермой

Мария провела ногтем по белым перьям льда на оконном стекле.

Не сплошной, а тонкими белыми перьями по нижнему краю, там, где пластиковая рама прилегала к подоконнику. Внутри дома было тепло, батареи негромко постукивали, и всё же холод каким-то образом находил щели. Он собирался у пола, в углах, возле входной двери; стоило опустить руку под стол, как воздух становился на несколько градусов прохладнее.

До семи Мария уже проснулась. Сквозь занавески пробивалось тусклое голубоватое свечение. На краю дивана лежал выцветший клетчатый плед. Барон спал рядом, положив седую морду на передние лапы, и во сне едва слышно поскуливал.

На кухне пахло яблоками: пирожки, которые вчера принесла Нина, так и остались в бумажном пакете. На жёлтой бумаге расплылось жирное пятно. Мария развернула её, разломила один пирожок над тарелкой. Начинка была тёмная, почти коричневая, с корицей и маленькими прозрачными кусочками яблочной кожицы.

Она съела половину. Остальное оставила на тарелке, потому что вдруг представила руки Веры Павловны, замешивавшие тесто, и Нину, несущую пакет сквозь мокрый вечер.

В этой картине не было ничего дурного. Именно это и раздражало. Можно сколько угодно подозревать людей, но они продолжали печь пирожки, покупать молоко, переживать из-за холода и кормить чужих собак.

Барону она налила свежей воды. Вчера вечером он не доел корм, зато теперь жадно вылизал миску. Когда она подошла к двери, пёс поднялся и потянулся так тяжело, что его суставы сухо щёлкнули.

— Пойдём, — сказала Мария. — Только ненадолго.

Во дворе снег превратился в серую крупу. На мокрых досках крыльца отпечатались следы её подошв. Возле забора стояли две кадки, полные дождевой воды; по поверхности одной плавала тонкая ледяная пластинка, другая была затянута целиком. Под навесом темнела аккуратная поленница. Павел укладывал дрова корой наружу, не как попало: крупные вниз, мелкие сверху, чтобы можно было вытянуть нужное полено, не обрушив остальные.

Мария помнила, как смеялась над этой педантичностью.

— Дрова-то у тебя будто на парад построены.

— А ты попробуй достань из кучи сухое, когда у тебя руки отвалились после работы.

Она погладила Барона между ушами. Пёс неторопливо направился к калитке, но, не дойдя двух шагов, остановился и обернулся к сараю. Там что-то тихо скреблось. Мария посмотрела: на деревянном подоконнике сидела серая сойка, вытягивая клюв к застрявшему между досками семечку.

Увидев людей, птица вспорхнула, мелькнув голубыми пятнами на крыльях.

— Вот и вся нечистая сила, — сказала Мария.

Барон не отреагировал.

⁂

Со вчерашнего дня в блокноте стояла новая фамилия: Малышева. Рядом лежали фотографии писем, которые Ангелина позволила снять на телефон, и отдельный лист с последовательностью событий. Мария выписала на него только подтверждённые сведения, оставив справа широкую пустую колонку для сомнений.

Павел купил порошок, хлеб и сигареты. Светлана видела его трезвым. У магазина он встретил Аркадия. Они ушли в сторону старой фермы. Позднее Павел оказался у реки. Свидетеля последнего отрезка пути у Марии не было.

На обратной стороне листа она написала: «Зачем он пошёл с Митрошиным?»

Следом — другое: «Почему Нина пришла сама, если не знает ничего?»

И ещё: «Где тетрадь Паши?»

Ангелина говорила, что брат что-то записывал. В доме нашлось несколько блокнотов с телефонами, размерами труб и подсчётами стоимости работ. Один лежал в кармане рабочей куртки, другой — под автомобильными каталогами. Но того, о котором упоминала старуха, не было. Может быть, Павел держал его где-то ещё. Может быть, уносил с собой. Может

быть, самой отдельной тетради не существовало, а Ангелина спутала её с листами бумаги.

На прежней работе она научилась держать разные версии открытыми, пока не появятся основания отсечь лишние.

В карман отправились телефон, блокнот и старая фотография Павла у воды — та, где он двадцатилетний стоял на деревянных мостках. Мария собиралась пойти к реке одна, но Барон, заметив, что она надевает ботинки, сразу поднялся.

— Ты там ноги переломаешь.

Пёс завилял хвостом.

— Хорошо. Только до спуска.

Собака явно поняла слово «пойдём» и уже стояла у калитки.

⁂

Поутру Крутой Яр выглядел продрогшим, не мрачным. В низинах лежал дымчатый туман. На проводах блестели редкие капли, и ветер время от времени сбрасывал их на крышу автобусной остановки. Вдоль дороги, где щебень давно втоптали в плотную глину, тянулись колеи с грязной водой. Между новыми серыми заборами виднелись старые палисадники с почерневшими кустами смородины, поникшими георгинами и крашеными деревянными лебедями из автомобильных шин.

У одного дома шумела стиральная машина: тонкий вой отжима доносился из распахнутой форточки. Возле следую-

щего женщина выносила ведро золы. На ней был синий стёганый халат поверх свитера и резиновые сапоги, надетые на толстые шерстяные носки.

— Барон! — окликнула она. — Ты чего с чужими шляешься?

Мария остановилась.

— Я сестра Павла.

Женщина посмотрела внимательнее. У неё было круглое лицо с красными прожилками на щеках и тонкие, почти незаметные брови.

— А-а. Простите. Похожи вы, только глаза разные.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Соболезную. Я Галка, Галина Ивановна, через улицу живу. Он мне кран в бане менял.

Мария кивнула. По лицу женщины мелькнула неловкость, словно она поняла, что сказала ровно то же, что говорили остальные.

— Вы гулять?

— К реке хочу пройти. У старой фермы.

Галина опустила ведро на землю. Серая зола выплеснулась на тёмный снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.